УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ИНСТИТУТ ПРАВА
Уфимский университет науки и технологий

ISSN 2619-0915

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№1 2024

ВЕСТНИК

Института права Башкирского государственного университета

№ 1 (21)

2024 г.

Издается с 2018 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Издатель
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Редакционный совет журнала:

Председатель редакционного совета
И.А. Макаренко
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой криминалистики, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан (Уфа).

Заместитель председателя редакционного совета
А.Б. Галимханов
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, проректор Уфимского университета науки и техники по образовательной деятельности (Уфа).

Члены редакционного совета:

С.Ж. Айдарбаев
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан);

Ф.Г. Аминев
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Н.Н. Арзамаскин
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук
заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований ИГП РАН, Институт государства и права РАН (Москва);

А.В. Варданян
заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности ФГКОУ ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина
доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия (Москва);

Р.Х. Гиззатуллин
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического и трудового права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.Ш. Давлетгильдеев
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань);

Р.И. Зайнуллин
доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, директор Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

М.Б. Кострова
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.Н. Кузбагаров
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург);

Д.А. Липинский
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти);

Т.И. Макарова
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

М.В. Мещанова
доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Юридического института Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

С.Ю. Морозов
доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

Р.В. Нигматуллин
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

К.К. Сейтенов
доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Косшы, Республика Казахстан);

А.П. Семитко
доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Ш.В. Тлепина
доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Республика Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.М. Усманова
доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак);

А.Р. Шарипова
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.А. Эксархопуло
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

З.А. Юсупова
кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Редакционная коллегия

Главный редактор
Ф.Х. Галиев, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, заведующий кафедрой теории государства и права.

Выпускающий редактор
О.И. Макова, начальник Научно-инновационного центра Института права.

Редактор англоязычных текстов
Н.М. Мухаметгареева, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного и интеграционного права.

Технический редактор
А.В. Бабенкова

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.
Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ У ЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Галикеева И.Г.
Организационные структуры гражданского общества и органы государственной власти и управления: проблемы соотношения и взаимодействия 9

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Амантаев И.Р., Хайбуллин А.Р., Юсупов Р.Г.
Социальная трансформация в России 1990-х годов: проблемы и периодизация становления социальной политики 19

Зайнагабдинов А.Р.
Перспективы обновления Конституции Российской Федерации через призму сохранения и развития национальной правовой культуры 37

Назарова И.В.
Развитие конституционных принципов и ценностей в медицинском законодательстве Российской Федерации 47

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Муллануров А.А.
Институт личного фонда в гражданском праве России 60

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Вяткин А.Н.
Комплексный подход в профилактике преступлений:
на примере расследования незаконной рубки леса 68

Лифанова М.В.
Семейное неблагополучие: криминологический анализ 77

Середа Е.В., Шивалов И.С.
Некоторые особенности уголовно-правовой характеристики
мошенничества, связанного с оказанием услуг
оккультного характера 85

Тулупова Е.О., Демидова Т.К., Баранова Е.С.
Киберагрессия – современная форма дискриминации и насилия 94

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аминев Ф.Г., Чемерис А.В.
О некоторых современных возможностях криминалистического
моделирования личности неустановленного преступника 105

Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University

№ 1 (21)

2024

Published since 2018
Issued four per year

Founder
FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Publisher
FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

EDITORIAL COUNCIL:

Head of Counsil:

I.A. Makarenko
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics, Central Election Commission Chairman, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Deputy Head of Counsil:

A.B. Galimkhanov
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Vice-Rector for Academic Work, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Editorial council members:

S.Zh. Aidarbayev
Doctor of Law, Professor of the Chair of International Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan);

F.G. Aminev
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

N.N. Arzamaskin
Doctor of Laws, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

M.M. Brinchuk
Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (Moscow);

A.V. Vardanyan
Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov);

E.L. Vasyanina
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg);

N.D. Vershilo
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

R.Kh. Gizzatullin
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial and Environmental Law, Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.S. Davletgildeev
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Professor of the Chair of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan);

R.I. Zaynullin
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Institute of Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

M.B. Kostrova
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procudure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.N. Kuzbagarov
Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law, North-West Branch, Russian State University of Justice (Saint Petersburg);

D.A. Lipinsky
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law, Tolyatti State University (Tolyatti);

T.I. Makarova
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Environmental and Agricultural Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

M.V. Meshchanova
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law, Law Institute, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

S.Y. Morozov
Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

R.V. Nigmatullin
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

K.K. Seitenov
Doctor of Law, Professor, First Vice-Chancellor, Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Kosshy, Republic of Kazakhstan);

A.P. Semitko
Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Humanities University (Yekaterinburg);

A.Al. Tarasov
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

S.V. Tlepina
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.R. Sharipova
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.M. Usmanova
Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Sterlitamak Branch, Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak);

A.A. Eksarhopulo
Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

Z.A. Yusupova
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa)

Editorial Board

Editor-in-Chief
Farit Kh. Galiev
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law, Head of the Chair of Theory of State and Law.

Executive Editor
Olga I. Makova
Head of Science and Innovation Campus of the Institute of Law.

English Texts Editor
Natalya M. Mukhametgareeva
Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law.

Technical Editor
Alexandra V. Babenkova

E-mail vest-law@yandex.ru;
Tel.: (347)228-90-30

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications Registration Certificate
ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Galikeeva I.G.
Organisations of Civil Society and Public and Administrative Authorities: Correlation and Interaction Problems 9

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Amantaev I.R., Khaibullin A.R., Yusupov R.G.
Social Transformation in Russia in the 1990s: Problems and Chronology of Social Policy Formation 19

Zainagabdinov A.R.
Prospects for the Constitution of the Russian Federation Updating through the Prism of National Legal Culture Preservation and Development 37

Nazarova I.V.
The Constitutional Principles and Values' Development in the Medical Legislation of the Russian Federation 47

CIVIL LAW, FAMILY LAW, BUSINESS LAW, PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Mullanurov A.A.
Personal Fund Institution in Russian Civil Law 60

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Vyatkin A.N.
An Integrated Approach to Crime Prevention: on the Example of Illegal Logging Investigation 68

Lifanova M.V.
Family Problems: Criminological Analysis 77

Sereda E.V., Shivalov I.S.
Some Features of the Criminal Law Characterisation of an Occult Fraud 85

Tulupova E.O., Demidova T.K., Baranova E.S.
Cyberaggression as a Modern Form of Discrimination
and Violence 94

**CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY;
OPERATIONAL INVESTIGATIONS**

Aminev F.G., Chemeris A.V.
On Modern Forensic Personality Modeling of an Unidentified Offender 105

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Научная статья
УДК 340
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.1

Галикеева Ирина Гаязовна
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
galikeeva_notary@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье анализируются определения гражданского общества, предложенные в разные времена разными мыслителями. Делается вывод, что организационные структуры гражданского общества возникают по мере государственно-правового развития общества и как институты гражданского общества и способствуют дальнейшей позитивной динамике оптимизации общественных отношений.

Ключевые слова: государство, право, общество, органы государства, гражданское общество, институты гражданского общества

Для цитирования: Галикеева И.Г. Организационные структуры гражданского общества и органы государственной власти и управления: проблемы соотношения и взаимодействия / И.Г. Галикеева. –DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.1 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 9–18.

© Галикеева И.Г., 2024

Original article

Galikeeva Irina Gayazovna
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia, galikeeva_notary@mail.ru

ORGANISATIONS OF CIVIL SOCIETY AND PUBLIC AND ADMINISTRATIVE AUTHORITIES: CORRELATION AND INTERACTION PROBLEMS

Abstract. The article analyses the definitions of civil society proposed at different times by different thinkers. It is concluded that the organisational structures of civil society appear as a result of the society's state-legal development and as institutions of civil society and contribute to further positive dynamics of social relations optimisation.

Keywords: state, law, society, state bodies, civil society, civil society institutions

For citation: Galikeeva I.G. Organisations of Civil Society and Public and Administrative Authorities: Correlation and Interaction Problems. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2024, no. 1, pp. 9–18. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.1.

В современной научной литературе гражданское общество трактуется с различных точек зрения. Однако если обратить внимание на общие моменты, которые можно заметить в дефинициях гражданского общества, то становится ясно, что оно имеет негосударственную специфику. При этом одни исследователи утверждают, что гражданское общество реально существует в высокоразвитых государствах, другие подчеркивают невозможность данного явления в условиях государства как политической организации власти, а третьи лишь выражают надежду на появление возможности формирования гражданского общества в будущем.

Учитывая, что в современном мире гражданское общество развивается в многовекторном плане, можно понять этих исследователей. Тем не менее, рассматривая особенности генезиса понятия «гражданское общество», А.С. Пиголкин и А.Н. Головистикова, пишут, что актуальность, с одной стороны, теоретических, с другой стороны, практических аспектов данного явления «обусловлена очевидным повышением роли рядовых граждан и их добровольных объединений во всех сферах жизнедеятельности человеческого общества: экономической, политической, социальной, духовной» [1, с. 386].

Безусловно, необходимо согласиться с тем, что сам термин «гражданское общество» как результат развития общественно-политической мысли появился в гораздо позднее время. При этом мы согласны с А.С. Пиголкиным и А.Н. Головистиковой в том, что все то, что связано с данным понятием, «восходит и к идее полиса Аристотеля, и к идеям естественного права. Быть членом общества означало быть гражданином – членом государства и тем самым обязанным жить и действовать в соответствии с его законами и без нанесения вреда другим гражданам» [1, с. 389].

Отмечая, что Аристотель подчеркивает взаимную связь, которая устанавливается в государстве между гражданами, А.С. Пиголкин и А.Н. Головистикова пишут: «Вместе с тем, Аристотель анализировал жизнь граждан и в других сферах жизнедеятельности общества: экономической, брачно-семейной, духовной, нравственной, научной, религиозной, где государственное вмешательство до определенного уровня развития производительных сил и отношений просто не требовалось. Поэтому будет справедливым отметить в трудах Аристотеля определенное развитие государства и гражданского общества» [1, с. 389–390].

Аристотель обратил внимание, во-первых, на то, что жизнь граждан непосредственно связана с государством и одновременно с этим никак не может не быть связанной с государством, в котором они живут, во-вторых, на то, что в определенных случаях государство не вмешивалось в частную жизнь граждан, оставляя в этом случае их хотя бы условно свободными от государства.

Известно, что взаимоотношения, которые складывались между обществом и государством, интересовали многих мыслителей прошлого. Начиная с Аристотеля, они обращали внимание на такое явление в жизни общества и государства, которое позднее получило название «гражданское общество». В более поздние века даже у вроде бы совершенно разных по специфике своей жизнедеятельности личностей, какими являются немецкий философ Г.В.Ф. Гегель и российская императрица Екатерина II, появились соответствующие историческому времени объяснения того, что такое гражданское общество. Поэтому нужно согласиться с тем, что как одно из важнейших общественно-политических явлений в жизни людей гражданское общество достаточно давно и заслуженно привлекает внимание исследователей, поскольку представляет собой уникальное явление. Бесспорно, у каждого времени были свои тонкости и нюансы в понимании гражданского общества как особого явления, на которое невозможно было не обратить внимание.

Например, время правления Екатерины II принято называть «золотым веком». В добавление ко всем позитивным моментам в мировоззрении этой императрицы нужно подчеркнуть, что ей было знакомо понятие «граждан-

ское общество». Так, Указом 1780 г. имеющиеся в стране заводы и фабрики были признаны частной собственностью, для распоряжения ими не требовалось особого дозволения. В «Наказе Комиссии о составлении проекта нового Уложения» Екатерина II писала, что в задачу государства и власти не входит, «чтоб у людей отнять естественную их вольность, но, чтобы действие их направить к получению самого большего ото всех добра»[1]. Тем не менее одновременно она отмечала, что «гражданское общество, как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим – которые повинуются»[2]. Екатерина II имела в виду властные отношения, без которых, в ее представлении, невозможна оптимальная организация общественно-политической жизни в государстве того времени. В любом случае, эти отношения опосредованы правом, иначе эти строки она бы не написала.

Г.В.Ф. Гегель обращал внимание на то, что является основной предпосылкой становления гражданского общества, и в привычном для него стиле изложения писал, что семья естественным образом переходит к гражданскому обществу [2, с. 254–255]. Бесспорно, при всем этом могут быть различного рода накладки, связанные со сложностью перевода философского текста, и может быть, мы не совсем правильно понимаем то, что хотел сказать философ. Тем не менее Г.В.Ф. Гегель уточнял: «гражданское общество есть дифференция, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференции оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное» [2, с. 256].

На наш взгляд, используя понятие «дифференция», Г.В.Ф. Гегель имел в виду нечто самостоятельное, присущее одновременно и людям, и государству, но невозможное, во-первых, без людей, во-вторых, без государства, в-третьих, предполагающее и их взаимную связь, и интересы, отличающиеся одновременно индивидуальной и общей характеристикой. В связи с этим в гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальные для него – ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного [2, с. 256]. Г.В.Ф. Гегель обращал внимание на то, что, несмотря на определенную индивидуализацию интереса личности, гражданское общество предполагает взаимосвязь людей, обусловленную наличием общего интереса. При этом он уточнял: «...но особенная цель посредством соотношения с

[1] Екатерина II. О величии России. М. : Эксмо, 2003. С. 73.

[2] Там же. С. 109.

другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу» [2, с. 256].

М.Н. Марченко, рассматривая особенности зарождения идеи о гражданском обществе и специфику ее развития в разные периоды существования цивилизации, выделял три этапа в эволюции идеи гражданского общества: XVI–XVII вв., начало XVIII – конец XIX в., с начала XX в. и до настоящего времени [3, с. 107–111]. Одновременно с этим он выделил основные характеристики общего состояния исследования гражданского общества в условиях современной глобализации. «Дело в том, – писал М.Н. Марченко, – что если одни из авторов, рассматривающих гражданское общество как свершившуюся или формирующуюся реальность, исходят из того, что это общество должно ограничиваться исключительно сферой частных интересов и отношениями собственности, то другие в качестве гражданского рассматривают общество, далеко выходящее за эти пределы» [3, с. 121]. Такая ситуация имеет место благодаря многоаспектности и многогранности понятия «гражданское общество» – можно углубиться и в ту и в иную специфику данного явления. Однако если обратить внимание на то, что сфера частных интересов становится объектом внимания исследователей в обоих указанных М.Н. Марченко случаях, то становится понятно, что «интерес» и «гражданское общество» находятся в одном и том же понятийном пространстве.

Следовательно, появление государственно образованного сообщества людей и достижение сообществом довольно высокого уровня политического, экономического, социального и духовного развития, включая возможность реализации гражданами своих личных и общих интересов, является началом становления гражданского общества. По нашему мнению, именно это обстоятельство обусловливает то, что гражданское общество не может опираться только на поддержку политически и социально активных граждан, сознательно и с пониманием своей роли участвующих не только в избирательном процессе, но и всегда принимающих участие в общественно-политической жизни государства. Оно не может функционировать без особой поддержки соответствующих государственных органов и управленческих структур, ответственных за наличие соответствующих политических, экономических и социальных условий. Поэтому организационные структуры гражданского общества как особые институты, без которых данное явление не может появиться и функционировать, и органы государственной власти и управления не могут не взаимодействовать. Это естественное состояние, характерное для демократического, правового и социального государства.

В этом плане привлекает внимание работа А.Д. Керимова «Современное государство: вопросы теории». Он пишет, что «гражданское общество предполагает сплоченность всех его членов, наличие общих духовных цен-

ностей, нравственных принципов, интересов и целей. Отсюда его формирование возможно лишь путем преодоления отчуждения государства и теснейшим образом связанных с ним нуворишей от народа» [4, с. 131–132].

А.Д. Керимов пишет о той взаимности и взаимообусловленности, которая должна появиться и, как правило, появляется и не может не появиться между государством и гражданским обществом. Он подчеркивает, что «формирование гражданского общества возможно ... только при условии активного участия в этом процессе самого государства, точнее, составляющих его структур» [4, с. 131–132].

Следовательно, с одной стороны, гражданское общество является одним из основных результатов государственно-правового развития общества, с другой стороны, в процессе своего дальнейшего развития и совершенствования гражданское общество нуждается во внимании со стороны государства в целом и в поддержке органов государственной власти и управления в частности. Поэтому гражданское общество можно воспринимать и как самоорганизующуюся группу людей, принимающих индивидуально или же в составе созданных ими негосударственных организационных структур активное участие в общественно-политической жизни страны.

По нашему мнению, именно этим моментом в деятельности гражданского общества обусловлено то, что, как правило, многие исследователи данного феномена отмечают его негосударственный характер или же независимость от государства. Например, характеризуя гражданское общество, А.В. Васильев и Е.Ю. Догадайло пишут, что оно представляет собой «сообщество граждан и не граждан, законно проживающих на территории данного государства, а также создаваемые ими различные самоуправляющиеся общности людей – общественные организации, политические партии, религиозные, национальные и иные формирования, предпринимательские структуры, которые действуют независимо от государства» [5, с. 123]. В данном случае словосочетание «законно проживающие» не совсем стыкуется с понятиями «граждане» и «не граждане», которые изначально предполагают легитимность нахождения субъекта права на территории того или иного государства. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что отмеченное авторами независимое от государства функционирование различных структур гражданского общества не означает в прямом смысле слова независимость, а то, что эти структуры не создаются государством, но возникают в соответствии с установками действующего законодательства.

Принцип «жить в обществе и быть независимым от общества нельзя», сформулированный В.И. Лениным, можно перефразировать как «невозможно жить в государстве и быть независимым от него». По нашему мнению, основной смысл словосочетания «независимо от государства» не означает не-

подчинение или же непризнание, а означает то, что самым главным в генезисе гражданского общества является самоорганизующееся начало, то есть гражданское общество появляется на определенном этапе развития общества, если для этого естественным образом создаются соответствующие условия и предпосылки.

Вместе с тем гражданское общество непосредственно связано с государством, более того, невозможно вне государства и без государственной поддержки. Гражданское общество в современном демократическом государстве не является противовесом государственным органам, а, наоборот, способствует совершенствованию и развитию демократического государственно-правового режима. Поэтому Ф.М. Раянов пишет, что гражданское общество в развитых демократических государствах представляет собой не что иное, как избирателей, то есть электорат. При этом он подчеркивает, что «подлинное гражданское общество корреспондируется только с государством» [6, с. 126]. А электорат-то как раз непосредственно связан с проблемами организации деятельности высших органов государственной власти, и прежде всего с избираемым представительным органом – парламентом, который и формируется на основе выборов.

Бесспорно, для нормального функционирования гражданского общества необходимы определенные организационные структуры. Еще в конце уже очень далекого XIX в. «одной из таких общественных организаций стали профессиональные союзы, которым суждено было не только надолго задержаться на информационно-правовом пространстве множества государств, но и завоевать соответствующее их специфике место в политическом устройстве этих государств» [7, с. 40].

Говоря об особенностях профессиональных союзов, необходимо обратить внимание на то, что «самой главной особенностью в их зарождении и становлении является то, что профессиональные союзы возникли как добровольные организации и обеспечивали единство трудящихся в производственных и непроизводственных сферах в целях защиты своих социально-экономических прав и интересов» [7, с. 40]. Подчеркивая эти особенности профессиональных союзов, необходимо отметить, что они прежде всего обеспечивали защиту прав и интересов трудящихся от нарушений этих прав и посягательств на эти интересы не столько со стороны государства, сколько со стороны работодателей, именуемых в прошлые века эксплуататорами.

Таким образом, организационные структуры гражданского общества возникают по мере государственно-правового развития общества и как институты гражданского общества способствуют дальнейшей позитивной динамике оптимизации общественных отношений.

В своей монографии «Синергетический подход в исследовании государства» А.В. Зырянов обращает внимание на то, что «в демократическом обществе возникает тенденция сближения субъекта и объекта власти, ведущая к их частичному совпадению. Диалектика этого совпадения состоит в том, что каждый гражданин является не только подвластным; как член демократического общества, он вправе быть индивидуальным первоносителем и источником власти» [8, с. 86].

Подчеркивая данную специфику демократического общества, А.В. Зырянов также отмечает, что «при демократическом режиме нет и быть не должно только властвующих и только подвластных. Даже высшие органы государства и высшие должностные лица имеют над собой верховную власть народа, являются одновременно объектом и субъектом власти» [8, с. 86]. В подтверждение своих слов А.В. Зырянов ссылается на работу А.Б. Венгерова. Автор пишет: «в разных странах существуют различные избирательные системы, одни из них менее, другие более демократичные. Но непреложным остается тот факт, что народ так или иначе, но обязательно участвует в формировании органов государственной власти» [9, с. 113]. Исходя из этого утверждения А.В. Зырянов отмечает, что «и в демократическом государственно организованном обществе полного совпадения субъекта и объекта нет» [8, с. 86]. Однако «если демократическое развитие приведет к такому (полному) совпадению, то государственная власть утратит политический характер, превратится непосредственно в общественную, без органов государства и государственного управления» [8, с. 86]. Более того, А.В. Зырянов отмечает, что формы общественной упорядоченности – самоорганизации, организации – и средство их обеспечения – государственное управление – представляют собой единую целостность [8, с. 136].

Государственное управление А.В. Зырянов рассматривает как средство реализации общественной упорядоченности [8, с. 136]. «Это предполагает преодоление в государственной политике рассогласования интересов народа и власти, характерного для замкнутых обществ» [8, с. 136]. В качестве основного вывода в своей книге автор отмечает, что «государственную власть, непреходящее значение которой заключается в обеспечении самосохранения конкретного социума, удержании его от распада и разложения, нельзя при исследовании противопоставлять процессам социальной самоорганизации, которые, собственно, создали специальный властный институт – государство – для целей организации совместной жизни людей» [8, с. 137–138].

Таким образом, одновременное наличие и функционирование в одной и той же стране органов государственной власти и управления, а также организационных структур гражданского общества не предполагает их взаимное невосприятие друг друга, наоборот, на основе совместной деятельности они вза-

имно дополняют и усиливают свои возможности для достижения дальнейшей позитивной динамики в направлении оптимизации общественных отношений. Отсутствие институтов гражданского общества становится предпосылкой и основанием для усиления коррупции и других негативных общественно-политических и политико-правовых явлений, которых и так много в каждом из отдельно взятых современных государств. В свою очередь, органы государственной власти и управления, обладая возможностью применения принудительной силы государства, поддерживают инициативность и предприимчивость институтов гражданского общества. Организационные структуры гражданского общества способствуют оптимизации и гармонизации взаимоотношений между обществом и государством и обеспечивают позитивную динамику государственно-правового совершенствования современного общества, которое находится в стадии поиска наиболее подходящей модели совершенствования и в условиях отсутствия единого идеологического обеспечения нуждается в четких ориентирах дальнейшего развития.

Список источников

1. Пиголкин А.С. Теория государства и права : учебник / А.С. Пиголкин, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев ; под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2010. – 744 с.

2. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель : пер. с нем. Б.Г. Столпнера. – Москва : Мир книги, 2007. – 464 с.

3. Марченко М.Н. Государство в условиях глобализации / М.Н. Марченко. – Москва : Проспект, 2009. – 400 с.

4. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории / А.Д. Керимов. – Москва : Норма, 2014. – 144 с.

5. Васильев А.В. 101 вопрос и ответ по теории права и государства : учебное пособие / А.В. Васильев, Е.Ю. Догадайло. – Москва : РАГС, 2008. – 132 с.

6. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство : монография / Ф.М. Раянов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 320 с.

7. Галиев Ф.Х. Правовая культура и профсоюзное движение / Ф.Х. Галиев // Роль территориальных объединений организаций профсоюзов в политико-правовом пространстве России : материалы докладов всероссийской научно-практической конференции с международным участием (24 апреля 2012 г.). – Уфа : БИСТ (филиал) ОУП ВПО «АТиСО», 2012. – С. 40–44.

8. Зырянов А.В. Синергетический подход в исследовании государства : монография / А.В. Зырянов. – Челябинск : ЮУрГУ, 2015. – 150 с.

9. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – 3-е изд. – Москва : Юриспруденция, 1999. – 528 с.

References

1. Pigolkin A.S., Golovistikova A.N., Dmitriev Yu.A.; Pigolkin A.S., Dmitrieva Yu.A. (eds.). Theory of State and Law. 2nd ed. Moscow, Yurajt Publ., 2010. 744 p.

2. Hegel G.V.F. Philosophy of Law. Moscow, Mir knigi Publ., 2007. 464 p.

3. Marchenko M.N. The State in the Context of Globalisation. Moscow: Prospekt Publ., 2009. 400 p.

4. Kerimov A.D. Modern State: Theoretical Issues. Moscow, Norma Publ., 2014. 144 p.

5. Vasiliev A.V., Dogadajlo E.Yu. 101 Questions and Answers on the Theory of State and Law. Russian Academy of Civil Service Publ., 2008. 132 p.

6. Rayanov F.M. Civil Society and The Rule-of-Law State. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 320 p.

7. Galiev F.Kh. Legal Culture and Trade Union Movement. *The Role of Territorial Associations of Trade Union Organisations in the Political and Legal Space of Russia. Materials of Reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (April 24, 2012).* Ufa, 2012, pp. 40–44. (In Russian).

8. Zyryanov A.V. Synergetic Approach to the State Research. South Ural State University Publ., 2015. 150 p.

9. Vengerov A.B. Theory of State and Law: Textbook for Law Schools. 3rd ed. Moscow, Yurisprudenciya Publ., 1999. 528 p.

Информация об авторе

Галикеева Ирина Гаязовна *–*
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
права Института права

Information about the Author

Galikeeva Irina Gayazovna *–*
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Civil Law,
Institute of Law

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 01.03.2024.
The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 01.03.2024.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Научная статья
УДК 340.113
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.2

Амантаев Ильнур Ринатович[1], Хайбуллин Айнур Рауфович[2, 3], Юсупов Рахимьян Галимьянович[2, 4]
[1]Общество с ограниченной ответственностью «Зеленый квартал», Уфа, Россия, ilnur4ik2000@gmail.com
[2]Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
[3]khnur@bk.ru
[4]yusupovr.g@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В РОССИИ 1990-Х ГОДОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. После развала СССР, отказа от социалистического пути развития и резкого разворота на путь капиталистический, выраженный в радикальных рыночных реформах, перед российским государством, которое начало копировать и переносить в свои реалии опыт развитых западных стран, встала двойная задача: сформировать на рыночных принципах экономическую политику и – опять же, по опыту западных стран – новую социальную политику. В социальных вопросах западные государства не единодушны, но социальную политику формируют и проводят все. Известны три базовые ее модели, в которых по-разному очерчено участие государства в реализации социальных задач. Однако перед российской властью встала проблема не столько выбора подходящей модели, сколько адаптации социальных обязательств государства к последствиям рыночных преобразований. В научной литературе даже появился термин «трансформационная модель социальной политики», указывающий на состояние переходности, од-

© Амантаев И.Р., Хайбуллин А.Р., Юсупов Р.Г., 2024

нако однозначно описать этот термин не представилось возможным, поскольку подходы к социальной трансформации в разных странах друг друга не повторяли. Более того, практика перехода к рынку в России и других странах с социалистической биографией показала разную реакцию на универсальные рыночные законы и механизмы. Российский сценарий оказался болезненным для экономики и социальной сферы. Установлено, что в 1990-е годы социальная сфера трансформировалась в три этапа, однако ни один из них не имел системного и завершенного вида. На этом основании авторами сделан вывод, что в России 1990-х годов социальная трансформация заложила некоторые основы социальной политики, но не привела к формированию самой социальной политики, которую неверно трактовать как некоторую сумму социальных мер, ибо любую политику, и социальную в том числе, принято понимать как разработанный государством механизм регулирования общественных отношений, нацеленный на их гармонизацию.

Ключевые слова: социальная политика, модель социальной политики, социальная трансформация, рыночная экономика

Для цитирования: Амантаев И.Р. Социальная трансформация в России 1990-х годов: проблемы и периодизация становления социальной политики / И.Р. Амантаев, А.Р. Хайбуллин, Р.Г. Юсупов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.2 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 19–36.

Original article

Amantaevllnur Rinatovich[1], Khaibullin Ainur Raufovich [2, 3], Yusupov Rakhimian Galimianovich[2, 4]

[1]Limited Liability Company «Zeleny kvartal», Ufa, Russia, il-nur4ik2000@gmail.com

[2]Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia

[3]khnur@bk.ru

[4]yusupovr.g@yandex.ru

SOCIAL TRANSFORMATION IN RUSSIA IN THE 1990s: PROBLEMS AND CHRONOLOGY OF SOCIAL POLICY FORMATION

Abstract. After the USSR collapse, the refuse of the socialist way of the development and a sharp turn towards the capitalism, expressed in radical market reforms, the Russian state, which began to copy and transfer the experience of the Western countries development to Russian realities, faced a dual task –

to form an economic policy based on market principles and based on the experience of Western countries, a new social policy. Western states are not unanimous on social issues, but social policies are formed and implemented by all. There are three basic models, in which the participation of the state in the realization of social goals is outlined in different ways. However, the Russian authorities are faced not only with the problem of choosing an appropriate model, but with the problem of adapting the state's social obligations to the consequences of market transformations. The term «transformational model of social policy» even appeared in the scientific literature, indicating the process of transition, but it was not possible to describe this term, as approaches to social transformation in different countries did not repeat each other. Moreover, the practice of market economy transition in Russia and other countries with socialist biographies has shown different reactions to universal market laws and mechanisms. The Russian scenario was very painful for the economy and social sphere. It was established that the social sphere was transformed in three stages, but none of them had a systematic and complete form. Based on this information, we came to the conclusion that in Russia in the 1990s, the social transformation laid the groundwork for social policy but it did not lead to the formation of social policy itself, which is incorrect to interpret as a certain sum of social measures, because any policy, including social policy, is usually understood as a mechanism developed by the state for regulating social relations, aimed at their harmonization.

Keywords: social policy, model of social policy, social transformation, market economy

For citation: Amantaev I.R., Khaibullin A.R., Yusupov R.G. Social Transformation in Russia in the 1990s: Problems and Chronology of Social Policy Formation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2024, no. 1, pp. 19–36. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.2.

Многие государства мира, и Россия в том числе, на конституционном уровне объявлены социальными, защищающими интересы социума. По идее, это означает, что они проводят социальную политику.

Социальная политика в научной литературе трактуется через разные ключевые слова: «деятельность», «мероприятия», «меры», «акции» и др. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой социальная политика – это не деятельность и не меры, даже имеющие социальную направленность, ибо они могут осуществляться различными субъектами – от государства до благотворителей и волонтеров. Это механизм регулирования общественных отношений, а точнее, механизм регулирования социальных отношений, разработанный государством и нацеленный на гармонизацию

социальных потребностей и создание благоприятных условий для всего населения государства [1, с. 70].

При наличии, казалось бы, общей цели какого-то единого механизма регулирования социальных отношений, устраивающего любое государство, не существует. Характер социальной политики в конкретном государстве обусловлен рядом факторов, от особенностей внутренней политики до уровня экономического развития.

В теории применительно к государствам с рыночной экономикой принято выделять три модели социальной политики: либеральную, консервативную и социал-демократическую. Либеральная модель (США и др.) опирается на принципы свободного рынка. Государство создает благоприятные условия, позволяющие гражданам самостоятельно, вовлекаясь в предпринимательскую деятельность в различных сферах, даже социально значимых, улучшать свое благосостояние. Участие же государства в социальной сфере сведено к минимуму, в крайних случаях действует механизм адресной помощи.

Консервативная модель (Германия и др.) подразумевает более заметное участие государства в социальной сфере. Ему отведена весомая роль в формировании систем здравоохранения, профессионального образования, охраны труда, в создании рабочих мест. Важнейший принцип модели – обязательное страхование на различные случаи потери трудоспособности, от болезни до старости, причем с распределением части страховой нагрузки на работодателей. О равенстве речь не идет. Чем выше уровень доходов работника, тем значительнее поддержка, полагающаяся ему в страховых случаях.

Социал-демократическую модель придумали в Швеции. Суть ее заключается в особом перераспределении доходов и социальных расходов, в частности с использованием прогрессивной шкалы налогообложения. В итоге граждане оказываются в равных условиях, в том числе когда им требуется социальная поддержка. Эта модель максимально учла риски, диктуемые не только жизненными обстоятельствами, но и самим рынком, который в принципе не настроен на социальную сферу. Иными словами, в этой модели, в сравнении с другими, государство максимально защищает материальное благополучие граждан от воздействия рынка, что подразумевает выраженное участие государства в реализации социальной политики [1, с. 70–71; 2, с. 2–4; 3, с. 8–10]. В литературе отмечается, что эта модель представляет собой «феномен патерналистского государства с сочетанием коммунистических и буржуазных идей» [2, с. 4].

Обратим внимание на следующее: в литературе при описании этих моделей рассматривается опыт развитых стран. Но помимо стран, переживших все этапы эволюции капитализма, есть еще страны, прошедшие путь к социализму, а также бывшие колонии европейцев, у которых отношения с

механизмами рынка складывались иначе, но которые тоже теперь адаптируются к рынку. Они тоже решают социальные проблемы и формируют свою социальную политику. Однако их опыт, как правило, не систематизируется. Некоторые исключения, впрочем, бывают. Так, В.А. Клименко, ссылаясь на издание 1995 г., упомянул так называемую трансформационную модель, связав ее со странами СНГ и Китаем [4, с. 461]. На наш взгляд, однозначно представить себе эту модель невозможно. Причина кроется в различиях внутренней политики и особенностях внедрения рыночных отношений в перечисленных В.А. Клименко государствах.

Например, Китай по-прежнему придерживается идей социализма, но с элементами рынка (в ст. 11 Конституции Китая декларируется «социалистическая рыночная экономика»[1]). А тот факт, что Китай остается социалистическим, означает, что государство берет на себя широкий спектр социальных задач. Так, Ж.Ш. Рамазанов установил, что социалистический Китай с 1992 г. пошел на некоторые уступки рыночной идеологии под влиянием глобальных рынков, но в подходах к реформированию социально-экономической стратегии проявил осторожность. Здесь отмечена следующая картина: «постепенность ломки командно-распределительной системы, сбалансированность реформ в разных секторах экономики, творческое применение иностранного опыта, ставка на интеграцию в мировую экономику при соблюдении национальных интересов, развитие научно-технического прогресса и неформирование политической реформы и т. п.» [5, с. 14–15].

Россия, напротив, после распада СССР, который в свое время послужил для капиталистических стран ориентиром в плане обеспечения общественной стабильности, осторожностью не отличилась – резко перевела экономику на рыночные рельсы, а в социальной сфере резко сменила курс от советского патернализма к либеральной модели. В Конституции Россия объявила себя социальным государством, что обязало приступить к формированию новой социальной политики, но достичь в адекватные сроки достойного результата не получилось. Как отметил О.В. Сонин, страна вступила в период, характеризовавшийся «экономическим кризисом, расслоением общества, ломкой социальной структуры и сложившихся хозяйственных связей» [6, с. 204].

Как видим, государства в развитии экономики и социальной сферы могут идти разными путями. Соответственно, трансформационную модель невозможно представить как «нечто единообразное» [7, с. 17].

Понятно, что в России ситуация на уровне начала 1990-х годов не застыла. Все последующие десятилетия социальная сфера продолжала транс-

[1] Конституция Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Окно в Китай : сайт. URL: http://www.window2china.ru/upload/iblock/51e/Konstitutsiya-KNR.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

формироваться, и сейчас уже можно говорить о поэтапном ее развитии. Изучение этих этапов актуально, поскольку позволяет объективно оценить пройденный российским государством путь ошибок и понять, при каких обстоятельствах возникает возможность формирования не декларативной, а реально эффективной модели социальной политики.

Некоторые ученые в разное время уже обращались к данной проблеме, и их выводы представляют для нас интерес.

В научных трудах, посвященных российской социальной политике, изложены разные взгляды на ее периодизацию. Есть мнение, что 1990-е годы – это отдельный период становления социальной политики. Так считает, например, Е.Н. Данилова, выделяя признаки, характеризовавшие российскую социальную политику на протяжении всего десятилетия: «введение рыночных основ (приватизация сферы социальных услуг, введение платных услуг и монетизация доступа), децентрализация управления социальной сферой и индивидуализация рисков (предоставление свободы выбора, перераспределение ответственности и рисков на индивидов)» [8, с. 29].

Есть также мнение, что за 1990-е годы прошло два периода становления российской социальной политики в новых рыночных условиях. Это мнение изложил, в частности, Д.А. Кормщиков. В его оценке первого десятилетия после смены общественно-политического строя нет противоречий с оценкой Е.Н. Даниловой. Но он обращает внимание на немаловажный момент: в первой половине десятилетия на законодательном уровне закреплялась в основном ответственность государства в отношении наиболее уязвимых слоев населения. Иными словами, ввиду сложной социальной обстановки государство, не имея достаточных средств на полноценную реализацию социальной функции, принимало точечные меры поддержки хотя бы самой нуждающейся части общества. Наступление второго этапа Д.А. Кормщиков связал с преодолением гиперинфляции, а важнейшей его чертой назвал «осознание необходимости более тщательной подготовки и разработки преобразований в социальной сфере» [9, с. 439].

Теперь, чтобы сделать собственные выводы, уместно рассмотреть, какие законы социальной направленности принимались в исследуемый период.

Начнем с периода до принятия Конституции РФ (1991–1993). В литературе встречается мнение, выразителем которого является, в частности, А.М. Шахбанов, что в этот период «в государственной политике практически отсутствовали факторы социального развития», а принятые социальные законы «базировались на соответствующих советских законах, лишь с поправкой на современные "капиталистические" условия» [10, с. 185].

Опора на советское законодательство нами тоже зафиксирована, но не настолько масштабно, как представляет А.М. Шахбанов.

Например, в исследуемый период (а в этот период проводились радикальные экономические преобразования) весьма своеобразно осуществлялось регулирование трудовых отношений. По идее, в социальных прожектах реформаторов они должны были занять особое место, ведь на них опирается любая экономическая система. Однако на практике прослеживались лишь попытки регулирования, именно попытки, поскольку усилия законодателя сконцентрировались на положениях советского КЗоТа, в текст которого только в 1992 г. трижды вносились поправки (12 марта, 25 сентября и 22 декабря). По этому поводу Н.В. Демидов заметил: «Реформа законодательства о труде, проведенная в 1992 г., по сути, стала отказом от реформы… Законодатель воздержался от радикальных перемен, диктуемых общественной атмосферой начала девяностых. Вместо этого была избрана модель консервации советского трудового права и его реализации в новых условиях рыночного хозяйства» [11, с. 121]. Иными словами, на данном этапе регулирование социальных прав трудового населения в условиях рынка было подменено соединением советского (нерыночного) трудового права с рыночной экономикой и несоветским политическим строем.

Но такой подход применялся не так уж и широко, что подтверждают другие примеры.

Так, вскоре после развала СССР началось реформирование системы здравоохранения. Что интересно, со специальным законом о здравоохранении тоже торопиться не стали. Зато в систему хорошо налаженного общедоступного советского здравоохранения не замедлили ввести рыночные механизмы. В июне 1991 г. вступил в силу Закон РФ «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации»[1], в котором подчеркивалась социальная значимость ранее отсутствовавшего в отечественной медицине страхового принципа: «Медицинское страхование является формой социальной защиты интересов населения в охране здоровья». Закон закреплял два вида медицинского страхования: обязательное и добровольное (ст. 1). Отметим, что первый вариант преобладает в консервативной модели Германии, второй – в либеральной модели США. Очень скоро стало понятно, что легко и быстро организовать страховую систему не получится. Обозначился ряд проблем, например, по созданию системы фондов ОМС, сети страховых компаний, по их взаимодействию с гражданами и учреждениями и пр. Проблемы решались. В апреле 1993 г. в законе появились дополнения, регулирующие, в частности, порядок создания Федерального и территориальных фондов ОМС и некоторые аспекты их финансирования (ст. 12). Открытым ос-

[1] О медицинском страховании граждан в Российской Федерации : закон РФ от 28.06.1991 № 1499-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 27, ст. 920.

тавался вопрос организации всей системы здравоохранения и распределения полномочий в данной сфере. В июле 1993 г. был принят документ под названием «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан»[1]. Этот законодательный акт в общих чертах задекларировал гарантии и принципы охраны здоровья граждан, включая гарантии бесплатного медицинского обслуживания населения и льгот для уязвимых категорий граждан, установил организационно-управленческие функции органов государственной власти и местного самоуправления, а также подчеркнул, что в системе здравоохранения предусмотрен частный (платный) медицинский сектор, включающий «лечебно-профилактические и аптечные учреждения, имущество которых находится в частной собственности, а также лиц, занимающихся частной медицинской практикой и частной фармацевтической деятельностью» (ст. 14).

До принятия Конституции РФ, в июле 1992 г., вступил в силу Закон РФ «Об образовании»[2]. Отметим, что социальные гарантии государства, которые позднее закрепила Конституция, он отразил. Речь о гарантии бесплатного дошкольного, среднего и среднего профессионального образования, а также высшего образования на конкурсной основе. При этом закон запустил рыночный механизм организации образования. В новой России право стать учредителем образовательной организации получили практически все: и государственные или муниципальные органы, и предприятия или учреждения всех форм собственности, и общественные или религиозные организации, и общественные или частные фонды, и граждане. Отдельно заметим, что данным правом наделялись не только российские, но и зарубежные предприятия, фонды или граждане (ст. 11). Понятно, что негосударственные образовательные организации могли, согласно логике рынка, создаваться только в платном формате. Поэтому закон предусмотрел для граждан, поступивших в эти организации, компенсацию затрат на обучение по программам среднего и среднего профессионального образования (ст. 5). О высшем образовании в данном контексте ничего не сказано. Это значит, что обеспечение права на бесплатное высшее образование на конкурсной основе делегировалось только государственным образовательным организациям, действующим в соответствии с государственными образовательными стандартами.

В исследуемый период закладывались основы регулирования в условиях рынка права собственности, в том числе права собственности на объекты жилой недвижимости. В конце 1992 г. был принят Закон РФ «Об основах

---

[1] Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан // Российская газета. 1993. 9 сент.

[2] Об образовании : закон РФ от 10.07.1992 № 3266-I // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 30, ст. 1797.

федеральной жилищной политики»[1], который в ст. 2 закрепил варианты обеспечения права граждан на жилище: либо предоставление жилых помещений в домах государственного и муниципального жилищных фондов на условиях договора найма (в этом случае с учетом нормы жилой площади на одно лицо), либо приобретение/строительство жилья за собственные средства (в этом случае без ограничений площади). То есть законодатель учел потребности в жилье граждан, не имеющих достаточных средств на его приобретение или строительство. Это не единственная социальная мера в жилищной политике государства. Еще раньше, 4 июля 1991 г., был принят Закон РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации», регулирующий бесплатную передачу в собственность граждан России занимаемого ими жилья, состоявшего в государственном или муниципальном жилищном фонде. Эта процедура в законе была названа приватизацией жилых помещений (ст. 1) и охарактеризована как добровольный процесс[2]. Вместе с тем оба упомянутых закона открыли правовые возможности для формирования и развития рынка недвижимости, поскольку в них вошли не только и не столько нормы социального характера, но также нормы, касающиеся накопления жилой недвижимости за счет собственных средств и распоряжения ею, в том числе в форме выступления «с ней на рынке недвижимости» (преамбула).

На данном этапе исследования можем заключить следующее. В период до принятия Конституции РФ, когда основные законодательные усилия были направлены на закладку правовых основ рыночной системы по либеральному образцу, установка на формирование социальной политики государства все-таки существовала. Как минимум можно говорить о том, что в законах декларировалась социальная направленность отдельных правовых норм (например, закреплялось право на бесплатное медицинское обслуживание, право на бесплатное среднее образование и на конкурсной основе право на высшее образование, право на труд и вознаграждение за него и пр.). Отчасти в праве сохранялись достижения советской эпохи (бесплатное образование или медицинское обслуживание), вместе с тем внедрялись новые механизмы удовлетворения социальных потребностей (медицинское страхование, приватизация жилья). Но на фоне так называемой «шоковой терапии» добиться баланса интересов государства, бизнеса (особенно крупного) и общества не удалось, о чем немало написано многими авторами.

---

[1] Об основах федеральной жилищной политики : закон РФ // Российская газета. 1993. 23 янв.

[2] О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации : закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 28, ст. 959.

Тем не менее считаем, что период с 1991 по 1993 г. следует выделить как самостоятельный этап становления социальной политики Российской Федерации. На наш взгляд, это тем более очевидно, если учесть, что ряд социальных норм, законодательно установленных до принятия Конституции РФ и не вошедших с ней в противоречие, актуальны до сих пор.

В декабре 1993 г. была принята Конституция РФ. Уже в первой редакции она продемонстрировала, что объем проблем, находящихся в поле зрения социальной политики, государство очертило достаточно широко. Конституция РФ со времени принятия гарантирует право на труд и отдых, а также вознаграждение за труд (ст. 37), охрану детства, материнства, семьи (ст. 38), право на пенсии и социальные пособия для отдельных категорий граждан (ст. 39), на бесплатную медицинскую помощь (ст. 41), на бесплатное дошкольное, основное общее и среднее профессиональное образование, а также на высшее образование на конкурсной основе (ст. 43), на проживание в благоприятных экологических условиях (ст. 42), на доступ к культурным ценностям (ст. 44) и др.

После принятия Основного закона, закрепившего весь спектр социальных гарантий, наступил очередной этап становления российской социальной политики. На этом этапе все взятые на себя обязательства государство также выполнить не смогло. Но некоторые сдвиги произошли. Согласимся с мнением Д.А. Кормщикова, который в качестве отличительной особенности данного этапа назвал закрепление в специальных законах ответственности государства в отношении большинства категорий наиболее уязвимых слоев населения. Нельзя сказать, что ранее эта проблема полностью игнорировалась. Напомним, что отдельные меры социальной защиты некоторых уязвимых категорий граждан были урегулированы в предыдущий период, например, в законодательстве о здравоохранении. Но только после принятия Конституции РФ законодатель занялся проблемой выделения по разным основаниям категорий граждан, нуждающихся в социальной защите, и регулированием отношений между ними и государством. В этот период были разработаны и вступили в силу (в основном в 1995 г.) следующие федеральные законы: от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» (действует в ред. от 25 февраля 2023 г. № 639-ФЗ), от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» (действует в ред. от 25 февраля 2023 г. № 635-ФЗ), от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов», от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (действует в ред. от 25 февраля 2023 г. № 651-ФЗ), от 10 декабря 1995 г. № 195-ФЗ «Об ос-

новах социального обслуживания населения в Российской Федерации»[1], от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (действует в ред. от 4 августа 2023 г. № 461-ФЗ).

Заметим, что содержание второго этапа формирования социальной политики России не размылось со временем. Выведенная на поверхность проблема актуальна и поныне. И даже утратившие силу законы середины 1990-х годов о социальном обслуживании не свидетельствуют об обратном – нормирование социального обслуживания позднее было обобщено и дополнено в новом законе.

Начало очередного этапа формирования российской социальной политики датируется рядом авторов 1996–1997 годами. Напомним, Д.А. Кормщиков объяснил переход к новому этапу преодолением гиперинфляции, а важнейшей его чертой назвал осознание недостаточно тщательной разработки преобразований в социальной сфере, то есть не практические шаги, а понимание того, что их надо сделать. В том же ключе рассуждает А.М. Шахбанов. Его анализ показал, что в начале рыночных преобразований реформаторы связывали решение социальных проблем с достижением финансовой стабилизации. К 1997 г. достижение финансовой стабилизации произошло, но стабилизацию социальную оно не повлекло. «Стало ясно, – заключил автор, – что нужны специальные институциональные социальные реформы, поэтому именно с этого периода наблюдается серьезный подход к обсуждению пенсионной реформы, реформы образования и здравоохранения» [10, с. 185].

Подтверждение этой позиции находим в Послании Президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию в 1998 г. Президент, отметив позитивные сдвиги в экономике и социально-политической обстановке, заявил: «До победных рапортов еще далеко. В новый этап мы вступаем с грузом множества нерешенных проблем»[2]. Понятно, что в Послании освещался широкий спектр вопросов. Большое внимание было уделено и социальной сфере, реформирование которой, по словам Б.Н. Ельцина, продвигалось слишком медленно. Критике подверглось стихийное замещение бесплатных

[1] Федеральные законы «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» и «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» утратили силу в связи с принятием Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

[2] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 17.02.1998 [Электронный ресурс] // Президент России: сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/20941 (дата обращения: 03.02.2024).

услуг платными в здравоохранении и образовании и жесткое их деление на услуги «для богатых и для всех остальных»; масштабы «позорной для страны проблемы детской безнадзорности»; периферийное внимание к науке, находящейся в состоянии выживания, и культуре «как духовной опоре нации», дефицит социального жилищного фонда для граждан, у которых нет средств на улучшение жилищных условий; отсутствие даже проекта нового Трудового кодекса («нынешний КЗоТ давно не соответствует изменившимся потребностям регулирования трудовых отношений»), неразрешенность проблем занятости, неплатежей, преступности и т. д.

Даже краткий обзор нерешенных социальных проблем, обозначенных в Послании, говорит о том, что на протяжении всего периода либерально-рыночных реформ хромал правовой аспект преобразований. Необходимые законы или нормы либо не принимались (не был принят Трудовой кодекс, не были урегулированы ценовые механизмы в деятельности монополистов на рынке коммунальных услуг и пр.), либо принимались, но исполнялись избирательно. Например, с 1992 г. действовал Закон РФ «Об основах федеральной жилищной политики», который, напомним, предусматривал предоставление нуждающимся жилых помещений в домах государственного и муниципального жилищных фондов на условиях договора найма. Однако на фоне развернувшегося коммерческого строительства создание таких фондов распространенным явлением не стало, и гарантированное законом право осталось лишь словами на бумаге. По аналогичной причине произошла, по словам Президента, «деградация значительной части медицинских учреждений». И таких примеров много.

Изложенное позволяет согласиться с мнением авторов, выделивших самостоятельный этап формирования российской социальной политики во второй половине 1990-х годов, но с некоторыми дополнениями. Этот этап отметился не только осознанием недостаточно тщательной разработки преобразований в социальной сфере, но и попытками концептуально представить, как должны выстраиваться отдельные направления социальной политики. В конце 1997 г. были утверждены концепция реформы здравоохранения и программа пенсионной реформы, а в начале 1998 г. – концепция реформирования российской науки. Для подготовки и утверждения каждого документа потребовался год, что в упомянутом Послании Президента РФ оценено как слишком расточительная трата времени. А это признак того, что власть решила ускорить нормализацию социальных процессов, которые ранее, как установлено выше, в основном встраивались в рыночные реалии без строгих установок к точному и всеобъемлющему исполнению.

О причинах пересмотра отношения к социальной сфере можно судить по косвенным признакам. Российский опыт первой половины 1990-х годов

показал, что сами по себе рыночные законы и механизмы не являются гарантом экономического развития государства. И дело не только в угрозах социальной напряженности. Государство не может ожидать технологических успехов и повышения производительности труда, если оно экономит на образовании и науке, провоцируя, среди прочего, утечку мозгов и неконтролируемое разрастание сети негосударственных учебных заведений, выдающих дипломы даже о высшем образовании, не утруждая себя заботой о нормальной организации самого образования. Государство не может наращивать процент экономически активного населения, если оно экономит на здравоохранении, допуская перекос в сторону узкосоциальной платной медицины и фактически блокируя массовый доступ к новейшим методикам и технологиям лечения и профилактики заболеваний. Государство не может без негативных последствий для экономики игнорировать проблемы трудовых отношений, материнства и детства и иные направления своей деятельности, составляющие объем социальной политики.

До конца 1990-х годов существенных изменений в социальной сфере, несмотря на осознание ее важности, не произошло. Причины заслуживают самостоятельного исследования. Кратко заметим, что бюджетных средств у отодвинутого от хозяйственной деятельности государства, которое к тому же так и не сформировало эффективную налоговую систему, по-прежнему не хватало (подтверждение тому – дефолт 1998 г.). При этом сложно было сломать инерционность деятельности образовавшегося в результате рыночных реформ узкого класса олигархов, которые, хищно приватизировав государственные средства производства, ответственность за социальную сферу на себя не взяли. Вольную позицию заняла законодательная ветвь власти. В качестве примера отметим, что в 1998 г. в упомянутом Послании к Федеральному Собранию Президент РФ потребовал завершить в текущем году работу над Налоговым и Трудовым кодексами, однако до окончания президентства Б.Н. Ельцина ни один из них так и не приняли. В этом плане можно говорить о том, что власти при решении социальных задач даже на этапе осознания опасных последствий деградации социальных процессов для исправления ситуации не хватило политической воли. Отдельная тема – положение повернувшейся к Западу России в глобализирующемся мире и геополитический фактор. Подробно осветить эту тему не позволяет формат статьи. Позволим себе кратко ответить лишь на один из вопросов: почему надежды на рыночные механизмы, которые лежат в основе экономик развитых стран, в России себя не оправдали?

Обычно в литературе описывается, как либерализация цен, приватизация государственной собственности, эксперименты с налогами и иные рыночные реформы привели к взлету коррупции и снижению качества жизни

большинства населения. Не оспаривая эту точку зрения, заметим, что среди первопричин сложившейся ситуации особое место занимает недальновидная поспешность реформаторов. Российский опыт показал, что формально не противоречащие рыночным принципам реформы, если они ложатся на неподготовленную экономическую почву, росту экономики не способствуют. Теперь разберемся с неподготовленной почвой. Не секрет, что Россия в тот период объективно отставала от развитых стран технологически. Пока страна жила за железным занавесом, данное обстоятельство на экономике критически не отражалось. Но когда преграды для свободного рынка были сняты, оказалось, что многие отечественные предприятия не могут конкурировать с зарубежными. В итоге произошло массовое закрытие предприятий-банкротов, которое, конечно же, отразилось на поступлениях в бюджет и одновременно повлекло нарастание уровня безработицы и бедности, а образовавшийся запрос на социальную активность государства вошел в противоречие с бюджетными возможностями. Иными словами, побратавшись с лидерами глобального рынка, Россия угодила в ловушку, выбраться из которой, продолжая копировать западный опыт, даже теоретически не представлялось возможным. К слову, в геополитическую ловушку, как показывают сегодняшние события, могут угодить и сами развитые страны со сформированными моделями социальной политики.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Первое. Анализ показал, что термином «трансформационная модель социальной политики» ученые фактически назвали не модель, обладающую определенными характеристиками, а категорию, единственным объединяющим признаком которой является переходность от одного состояния к другому. И в этом можно убедиться, сопоставив опыт, например, Китая и России, шагнувших в начале 1990-х годов на путь внедрения рыночных отношений. В обоих случаях были запущены трансформационные социальные процессы, однако подходы к трансформации основательно разнились.

Второе. Трансформация – это не статичное явление, а процесс. Именно поэтому невозможно однозначно описать трансформационную модель социальной политики. Даже в пределах одной страны условия и характер трансформации могут меняться, порождая последовательность безымянных трансформационных моделей, причем не факт, что в итоге получается модель социальной политики. В настоящей статье такой процесс рассмотрен на российском примере 1990-х годов. Нами выделено три этапа становления социальной политики. При этом установлено, что ни на одном из них преобразования не приобрели законченного вида. А это основание говорить о том, что социальная политика как таковая в стране не проводилась. Пояснение этого вывода содержит следующий вывод.

Третье. Изученный российский опыт показал, что разработать социальную политику и превратить ее в рабочий инструмент государства невозможно, если делать это по принципу лоскутного одеяла, без установления системной взаимосвязи между различными социальными направлениями, а также между социальными и другими направлениями деятельности государства, включая экономику и внешнеполитический курс. Так можно разве что организовать некий комплекс социальных мер (что и произошло в России 1990-х), в то время как социальная политика, что отмечено в начале статьи, представляет собой механизм регулирования социальных отношений, нацеленный на гармонизацию социальных потребностей и создание благоприятных условий для всего населения государства. Даже прописанные в законах социальные гарантии государства, если это государство не сбалансировало интересы всех участников экономических отношений внутри страны и к тому же впало в зависимость от внешних участников экономических отношений, не гарантируют в итоге социальную стабильность и приемлемое качество жизни общества. Именно поэтому мы считаем, что социально ориентированная деятельность нашего государства в 1990-е годы, которую принято называть социальной политикой, строго говоря, социальной политикой не являлась.

Четвертое. На заре либеральных реформ (и позднее тоже) не было ничего проще, чем рассматривать провалы в социальной сфере как закономерный результат экономического кризиса. Только во второй половине 1990-х годов власть осознала, что у проблемы есть и обратная сторона, ибо не только экономическая сфера влияет на социальную, но и социальная на экономическую. Без эффективной настройки механизма социальной политики невозможно настроить механизм эффективного экономического развития. Впрочем, разорвать этот замкнутый круг до конца исследуемого десятилетия не удалось, и преемники реформаторов-либералов 1990-х годов получили в наследство тяжелейший груз неразрешенных и, подчеркнем, взаимосвязанных социальных и экономических проблем, что подразумевало наступление очередного этапа социальной трансформации с перспективой долгожданного формирования социальной политики.

Список источников

1. Амантаев И.Р. О толковании некоторых юридических терминов социальной сферы / И.Р. Амантаев, Р.Г. Юсупов // Вестник института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 2. – С. 66–78.

2. Лукшин О.В. Социальное государство: понятие, развитие и реализация идеи / О.В. Лукшин // Право: современные тенденции : материалы VI Международной научной конференции. – Краснодар : Новация, 2018. – С. 2–6.

3. Малева Т.М. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность / Т.М. Малева, Е.Е. Гришина, Е.А. Цацура. – Москва : РАНХиГС, 2019. – 52 с.

4. Клименко В.А. Социальная рыночная экономика: генезис и принципы становления и развития / В.А. Клименко // Экономическая наука сегодня : сборник научных статей. – Минск : БНТУ, 2017. – Вып. 5. – С. 445–464.

5. Рамазанов Ж.Ш. Социально-экономическая модель Китая и уроки для России / Ж.Ш. Рамазанов // Известия Томского политехнического университета. – 2009. – Т. 314, № 6. – С. 13–15.

6. Сонин О.В. Социальное развитие государств СНГ: проблемы и пути решения / О.В. Сонин // Россия и современный мир. – 2012. – № 1. – С. 203–215.

7. Абазов А.А. Мировые тенденции правового регулирования экономических отношений / А.А. Абазов, Р.Г. Юсупов // Вестник института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 7–20.

8. Данилова Е.Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России / Е.Н. Данилова // Социологическая наука и социальная практика. – 2015. – № 2 (10). – С. 18–50.

9. Кормщиков Д.А. К какой модели социальной политики стремится Россия? / Д.А. Кормщиков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 1. – С. 439–444.

10. Шахбанов А.М. Особенности государственной социальной политики в 90-е гг. XX в. / А.М. Шахбанов // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 11. – С. 184–187.

11. Демидов Н.В. Обсуждение института увольнения работника по инициативе работодателя в науке трудового права 1990-х гг. / Н.В. Демидов // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 27. – С. 121–131.

References

1. Amantaev I.R., Yusupov R.G. On the Interpretation of Certain Law Terms of Social Sphere. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2023, no. 2, pp. 66–78. (In Russian).

2. Lukshin O.V. Social State: Concept, Development and Realisation of the Idea. *Law: Modern Trends. Materials of the VI International Scientific Conference.* Krasnodar, Novaciya Publ., 2018, pp. 2–6. (In Russian).

3. Maleva T.M., Grishina E.E., Tsatsura E.A. Social Policy in the Long Term: Multidimensional Poverty and Effective Targeting. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2019. 52 p.

4. Klimenko V.A. Social Market Economy: Genesis and Principles of Formation and Development. *Economic Science Today. Collection of Scientific Articles.* Belarusian National Technical University Publ., 2017, iss. 5, pp. 445–464.

5. Ramazanov Zh.Sh. China's Social and Economic Model and Lessons for Russia. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk Polytechnic University,* 2009, vol. 314, no. 6, pp. 13–15. (In Russian).

6. Sonin O.V. Social Development of the CIS States: Problems and Solutions. *Rossiya i sovremennyj mir = Russia and the Contemporary World,* 2012, no. 1, pp. 203–215. (In Russian).

7. Abazov A.A., Yusupov R.G. World Trends in Economic Relations Legal Regulation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2023, no. 1, pp. 7–20. (In Russian).

8. Danilova E.N. Periods of Changes in Social Policy and Concepts of Social Justice in Russia. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika = Sociological Science and Social Practice,* 2015, no. 2 (10), pp. 18–50. (In Russian).

9. Kormshchikov D.A. What Model of Social Policy Is Russia's Aim? *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod,* 2014, no. 1, pp. 439–444. (In Russian).

10. Shakhbanov A.M. Peculiarities of the State Social Policy in the 90s. XX century. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development,* 2012, no. 11, pp. 184–187. (In Russian).

11. Demidov N.V. Consideration of the Institute of Dismissal of the Worker on the Initiative of the Employer in Labor Law of the 1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2018, no. 27, pp. 121–131. (In Russian).

Информация об авторах

Амантаев Ильнур Ринатович *– юрист;*

Хайбуллин Айнур Рауфович *– кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права;*

Information about the Authors

Amantaev Ilnur Rinatovich *– Lawyer;*

Khaibullin Ainur Raufovich – *Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of State Law, Institute of Law*

Юсупов Рахимьян Галимьянович *– доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права*

Yusupov Rakhimian Galimianovich – *Doctor of Sciences (History), Professor of the Chair of State Law, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 25.02.2024; принята к публикации 26.02.2024.
The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 25.02.2024; accepted for publication 26.02.2024.

Научная статья
УДК 340
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.3

Зайнагабдинов Азамат Радикович
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия, sarlak.81@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ[1]

Аннотация. Тридцать лет назад в нашей стране начала действовать Конституция Российской Федерации. Для мировой истории тридцать лет – очень маленький отрезок времени, а для очевидцев событий, которые произошли за это время и имели очень непростой характер, эти годы – целая эпоха, связанная со становлением новой России и формированием политико-правовой основы российского государства. Конституция для современного общества является главным нормативным документом, определяющим основные векторы государственно-правового развития страны.

Ключевые слова: общество, государство, конституция, право, общественные отношения, правовое регулирование

Для цитирования: Зайнагабдинов А.Р. Перспективы обновления Конституции Российской Федерации через призму сохранения и развития национальной правовой культуры / А.Р. Зайнагабдинов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.3 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 37–46.

© Зайнагабдинов А.Р., 2024

[1] Статья написана на основе материалов, подготовленных для выступления на XX Международной научно-практической конференции «Конституция: вчера, сегодня, завтра», посвященной Дню прав человека и 30-летию Конституции Российской Федерации и Республики Башкортостан (Уфа, 8 декабря 2023 г.).

Original article

Zainagabdinov Azamat Radikovich
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia, sarlak.81@mail.ru

PROSPECTS FOR THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION UPDATING THROUGH THE PRISM OF NATIONAL LEGAL CULTURE PRESERVATION AND DEVELOPMENT

Abstract. Thirty years ago, the Constitution of the Russian Federation came into force in our country. For the world history thirty years is a very small period of time, but for the witnesses of the events that took place during this time and were very difficult, these years are a whole epoch associated with the formation of a new Russia and the formation of political-legal basis of the Russian state. For modern society, the constitution is the main normative document that determines the main vectors of the state-legal development of the country.

Keywords: society, state, constitution, law, social relations, legal regulation

For citation: Zainagabdinov A.R. Prospects for the Constitution of the Russian Federation Updating through the Prism of National Legal Culture Preservation and Development. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2024, no. 1, pp. 37–46. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.3.

Проблемы дальнейшего развития правовой основы государства имеют отношение не только к необходимости совершенствования действующего законодательства, но непосредственно связаны со спецификой конституционного обеспечения государственно-правового развития общества. Это обусловлено тем, что Конституция является фундаментальным документом, определяющим основные права и обязанности граждан России, это Основной закон, на базе которого формируются все другие законы. При этом основным постулатом является то, что все законы, регулирующие взаимоотношения между людьми, обществом и государством, должны соответствовать Конституции, не противоречить ей и отвечать принципам справедливости. В такой ситуации понятия «закон» и «справедливость», как правило, воспринимаются как синонимы, что соответствует общим представлениям о справедливости закона, бытующим в общественном сознании.

Тем не менее реальность такова, что, с одной стороны, положения Конституции соответствовали тому состоянию государства и общества, в ко-

тором они находились в начале 1990-х годов, когда страна искала наиболее оптимальный вариант своего дальнейшего государственно-правового развития. Безусловно, Конституция, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., отражает действительность того времени, когда она принималась. С другой стороны, особенности постоянно развивающихся общественных отношений обусловливают необходимость приведения в соответствие с требованиями времени и сегодняшней законодательной базы государства.

Примечательно, что 10 ноября 1993 г. «Российская газета» опубликовала статью под заголовком «Вчера завершилось дело огромной важности для нашей страны, для каждого из нас. Подготовлен Проект Конституции Российской Федерации»[1]. В ней говорится, что положения Конституции РФ прошли зарубежную экспертизу. Эти слова служат основанием для предположения об оказании определенного влияния зарубежных стран на процесс появления нашего Основного закона. В условиях становления нашего государства, естественной эволюции законодательства и упорядочения государственных институтов необходимо вносить в Конституцию изменения, отражающие реалии развития гражданского общества.

Если обратить внимание на ст. 134, 135, 136,137 гл. 9 Конституции РФ и Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, то возможность внесения изменений в Основной закон страны имеет постоянно действующий и динамичный характер.

Все это поддерживается еще и другими факторами. Во-первых, правоприменительная практика, вся повседневная жизнь и окружающая нас реальность сопровождаются серьезными событиями, имеющими отношение ко всем направлениям деятельности государства, включая внутреннюю и внешнюю политику. Это и понятно, потому что конфликты, противоречия, которые существуют на практике, и сложившаяся в международных отношениях напряженная и не всегда прозрачная обстановка закономерно влияют на функционирование и развитие внутригосударственных общественных отношений.

О.Г. Румянцев, в 1990–1993 гг. работавший ответственным секретарем Конституционной комиссии, в своей книге «Конституция девяносто третьего. История явления» пишет, что «Конституция является основой взаимодействия между государственными органами. Она же призвана стать более прочной основой прямой и обратной связи государства с обществом, гражданами, их общностями» [1, с. 346]. Автор выражает свою убежденность в том, что «тема восстановления баланса между принципами народного и государ-

[1] Ельцин Б.Н. Вчера завершилось дело огромной важности для нашей страны, для каждого из нас. Подготовлен проект Конституции Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 210 (826).

ственного суверенитета, народовластия и эффективности государственной власти как способа управления делами общества и государства, безусловно, должна войти в официальную общественную повестку на предстоящий период» [1, с. 346]. При этом О.Г. Румянцев подчеркивает свою уверенность в том, что «это должен быть период более полной реализации Конституции Российской Федерации в целях подлинного развития нашего конституционного строя. Период усовершенствования организации общества в соответствии с велениями времени и объективными потребностями, отраженными в общественном сознании» [1, с. 346]. Все то, что связано с внесенными в разное время изменениями и поправками, доказывает правоту О.Г. Румянцева. Иначе и быть не может, потому что общество представляет собой постоянно развивающееся явление, в котором возникают все новые и новые общественные отношения, требующие соответствующего правового регулирования.

Как видно, ключевыми моментами для О.Г. Румянцева являются, во-первых, необходимость совершенствования организации современного общества, во-вторых, учет велений сегодняшнего времени, в-третьих, сформировавшиеся на данное время объективные потребности, в-четвертых, отражение всего этого в общественном сознании. Бесспорно, все эти четыре момента взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В 2020 г. в Основной закон страны были внесены изменения. По нашему мнению, на этом процесс совершенствования законодательства, включая и саму Конституцию, не завершился.

Безусловно, оптимальное развитие цивилизованных политико-правовых отношений между разными государствами невозможно без параллельного развития правовых структур внутри государства. В этой связи необходимо обратить внимание на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в которой говорится о том, что «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

В процессе внесения изменений в Конституцию РФ гл. 1 Основного закона не была затронута из-за сложности процесса ее изменения: не менее 3/5 от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Госдумы должны одобрить такие поправки, необходимо созвать еще и Конституционное собрание, которое одобрит изменения либо предложит иные. К слову, до сих пор нет законодательных норм о порядке созыва и работы Конституционного собрания. В связи с этим были внесены изменения в ст. 79 путем добавления формулировки: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в

их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Однако данное «соломоново решение» порождает определенное противоречие.

Невозможно отрицать, что во всех государствах, которые выбрали демократический путь своего развития, необходимо соблюдать международные договоренности. Однако в существующих условиях, когда некоторые страны оказывают недружественное влияние на Российскую Федерацию, с наложением на страну незаконных рестрикций, следует понимать, что заключенные ранее международные договоры (в условиях партнерских отношений между странами) могут по прошествии нескольких лет не отвечать интересам нашего общества. В данной ситуации спорно утверждение, что можно сформировать собственную справедливую систему, если заключенный международный договор стал приоритетным над существующим законодательством Российской Федерации (в своей части) и в дальнейшем обязателен для принятых новых законов. Сама идея данного положения вступает в противоречие с другой конституционной нормой, в которой говорится о том, что источником власти является многонациональный российский народ. При этом, естественно, возникает вопрос: если российский народ является источником власти, то как можно утверждать, что некий международный договор приоритетен над общеобязательными правилами поведения, установленными российским народом исходя из собственных интересов, традиций и обычаев? Никакие международные договоры не должны ущемлять интересы российского общества, поскольку денонсация международных соглашений, которые становятся вредны государству при изменении отношений между странами, как показала практика, происходит очень медленно. Исключением может быть заключение международных договоров в рамках стран – участниц политических и экономических объединений, таких как Таможенный союз и Евразийский экономический союз. Отличным примером эволюции международного договора в законодательство страны могут являться различные технические регламенты Таможенного союза и ЕАЭС, в частности Регламент о безопасности пищевой продукции. Такого рода международные договоры в полной мере отвечают всем конституционным принципам.

Статья 15 Конституции РФ размещена в главе «Основы конституционного строя». Именно на это ссылаются эксперты, которые придерживаются верховенства международного права над национальным, когда утверждают, что данная статья пересмотру не подлежит. Конечно, пересмотр возможен, но путем принятия решения Конституционным собранием в соответствии со ст. 135 гл. 9 Конституции РФ. Данный механизм изменения глав 1, 2 и 9 Конституции довольно сложен, о чем уже было сказано. Однако есть механизм,

который позволит, не «ломая копья» и не преодолевая трудности, уточнить и дополнить Конституцию главой о международных договорах. В таком случае противоречий со ст. 15 не должно быть, что позволит снять некоторые выявленные коллизии существующей редакции нашей Конституции. Данный подход используется в Конституции Франции.

Между тем в соответствии со ст. 6 Конституции США международный договор и внутренний федеральный закон в данном государстве обладают одинаковой юридической силой[1]. Однако дело в том, что при этом американская конституционная правовая доктрина оставляет возможность избежать данной ситуации. В США международный договор имеет такие разновидности, как самоисполнимый и несамоисполнимый. В случаях, когда нормы международных договоров несамоисполнимы, они вообще не могут применяться до тех пор, пока не будут имплементированы, то есть включены в национальное законодательство через внутренний государственный законодательный процесс. В результате функционирования описанного правового механизма вопрос о противоречии норм международного права и права национального, как правило, не возникает.

В своей книге «Правовая система США» профессор Мичиганского университета У. Бернам пишет: «в том, случае, когда возникает конкуренция норм международного договора и внутреннего американского закона с учетом их равной юридической силы, применяется тот акт, который был издан позже» [2]. Это говорит о том, что в США, когда возникают проблемы с исполнением международного договора, принимается новый федеральный закон. Это позволяет сослаться на то, что он принят позже, и тем самым нейтрализовать действия того международного договора, который по какой-то причине не устраивает США, и таким образом уйти от ответственности за несоблюдение договоренностей.

Помимо положений о приоритете международного договора над национальным правом представляется необходимым исключить положение, согласно которому «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Здесь отдельно следует отметить и охарактеризовать словосочетание «правовая система».

Правовая система – расплывчатое, абстрактное, общенаучное понятие, которое включает в себя не только систему права, систему законодательства, но и правовую идеологию, правовую психологию, правовые явления, то есть весь мир национального права. Это в большей степени теоретическое науч-

[1] Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты : пер. с англ. / сост. В.И. Лафитский ; под ред. и со вступ. ст. О.А. Жидкова. М. : Прогресс, Универс, 1993. 768 с.

ное понятие, которое разными учеными трактуется по-разному. А создатели Конституции 1993 г. внесли данный термин в базисные ее положения.

Необходимо подчеркнуть, что право не может существовать в абстрактном мире, само по себе, право создается и существует вне связи с конкретным обществом и государством, более того, оно является средством и способом регулирующего воздействия на сложившиеся общественные отношения, которые, как правило, наполняются соответствующим, в том числе и идеологическим, содержанием, которое всегда имеет целенаправленный характер и охватывается понятием «правовая идеология».

В ст. 13 Конституции РФ подчеркивается, что «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Если постараться уточнить смысл и содержание понятия «идеология», то можно прийти к выводу о том, что указание на то, в каком направлении идут и какими должны стать государство и общество в целом, – это определение главного вектора развития человека в той стране, в которой он живет.

При этом не стоит сводить все только к национальной идеологии, потому что стратегические и экономические интересы, а также политические и мировоззренческие основы общественного сознания в разных странах могут совпадать или не совпадать. Как правило, они в абсолютном большинстве случаев не совпадают. Попытки внедрить в другие государства чуждые им ценности посредством международного права никогда не способствовали их сближению, наоборот, служили причиной усиления противоречий. Об этом говорит, например, современная ситуация в странах Европы. Сложившиеся там противоречия способствуют тому, что данный процесс закономерно переходит в открытое противостояние, притом те или иные государства начинают навязывать свои ценности другим. Несовместимость национальных культур и исторических традиций приводит к деградации нравственных ценностей в общественном сознании в целом, в особенности у подрастающей молодежи.

Нельзя отрицать позитивные моменты, связанные с интеграцией стран и государств. Безусловно, они есть и их довольно много. Однако интеграция не должна осуществляться спонтанно, она должна учитывать интересы и специфику каждого из государств, с обязательным выяснением его исторических, идеологических и иных особенностей. Поэтому недопустимо навязывание обществу правовое разрешение однополых браков, легализацию легких наркотиков, принудительное сексуальное воспитание детей и т. д., что на Западе, как правило, стремятся оправдать необходимостью обеспечения прав человека.

Все эти явления в условиях евроинтеграции и глобализации были преподнесены мировому сообществу как современные ценности и начали ак-

тивно распространяться в странах Запада. Естественно, все это не могло не привести к определенному обесцениванию национального права. В современных условиях активно пропагандируются и другие идеи, которые разрушают нравственные устои общества. Однако понятие «национальный суверенитет» предполагает наличие геополитических, экономических, исторических, а также мировоззренческих особенностей у каждой страны, которые складываются веками и служат основой их регулятивных систем. В одном из своих выступлений Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин сказал, что «чрезмерное использование институтов международного правосудия может привести к тому, что такое правосудие становится не международным судейским арбитром, а механизмом в руках какой-либо сверхдержавы или группы сильных государств»[1].

Примером подобного механизма влияния на внутригосударственную правоприменительную практику путем использования положений международных норм и договоров могут служить осуществляемые через судебные акты российских судов мероприятия, направленные на дестабилизацию экономики и развитие правового нигилизма в регионах России. Так, из материалов дела в отношении пивоваренного завода Луганска следует вывод о том, что определенные полномочные лица, которые с решением украинского суда о праве собственности на часть акций пивоваренного завода обращаются в соответствующий районный суд Российской Федерации. Российский суд, в свою очередь, на основании решения украинского суда, ссылаясь на положения международных договоров, принимает решение именем Российской Федерации, которым предоставляет иностранным гражданам доступ к активам российских предприятий. Таким образом, получается ситуация, при которой на основании решения суда Российской Федерации иностранные лица приобретают право распоряжения имуществом российского предприятия.

В этом плане интересна позиция Ф.М. Раянова. Он пишет, что «…исторически сложившиеся особенности государственно-правового развития России не являются вечными и неизменными. Наша страна так же подвержена влиянию глобальных процессов, а также не может быть свободной от объективных потребностей международного сотрудничества» [3 с. 256]. По мнению Ф.М. Раянова, наша страна должна интегрироваться в мировое сообщество государств, опираясь на «такие обществоведческие институты,

[1] Зорькин В.Д. Правовые результаты Нюрнбергского процесса и их современное значение. Доклад на международной научной конференции, посвященной 65-летию Нюрнбергского процесса [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://www.ksrf.ru/RU/NEWS/SPEECH/Pages/ViewItem./ (дата обращения: 24.12.2023).

как гражданское общество, правовое государство, верховенство права, правовой закон и т. д.» [3, с. 256].

Поскольку большинство людей не имеют достаточной квалификации, знаний и представлений для того, чтобы оценить предложения различных политических сил, которые будут соответствовать текущему состоянию государства и общества, общепринятым пониманиям справедливости, на наш взгляд, достаточно спорным является утверждение, что изменения в Конституцию должны вноситься путем референдума, поскольку большинство голосующих, особенно среди молодежи, не имеют представления о содержании Конституции, а понять и оценить ее могут лишь специалисты.

По нашему мнению, в целях правового просвещения, правового воспитания и совершенствования правовой культуры можно и нужно использовать различные подходы, которые оправдали себя. Среди них можно выделить составление образовательных программ, проведение семинаров и тренингов, разработку и доступную подачу широкой аудитории информационных материалов, также должны быть задействованы и современные электронные технологии. Очевидна важность таких информационных материалов, которые будут учитывать особенности всех социальных слоев населения.

На наш взгляд, можно организовать такие общественно-политические мероприятия, которые способствуют более осознанному пониманию роли и значения положений Конституции и основ действующего законодательства, что позитивно скажется на правовой культуре общества. Необходимо методично и последовательно объяснять населению, особенно молодежи, национальные интересы нашего государства, говорить о достижениях России, что именно российский многонациональный народ выиграл Великую Отечественную войну, что люди нашего государства никогда никого не травили, что Россия как государство не подчиняла себе другие государства, что у России не было колоний и т. п. В настоящее время необходимо заняться собой, довести до молодежи, что в СССР собирали металлолом и макулатуру не из-за того, что страна нуждалась в батареях, трубах и бумаге, а для объединения людей, особенно молодежи, в единое целое, для создания сплоченного социума.

Список источников

1. Румянцев О.Г. Конституция девяносто третьего. История явления. (Документальная поэма в семи частях от ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов.) / О.Г. Румянцев. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва, 2018. – 400 с.

2. Бернам У. Правовая система США / У. Бернам ; под ред. В.А. Власихина. – Москва : Новая юстиция, 2006. – 608 с.

3. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение / Ф.М. Раянов. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 264 с.

References

1. Rumyantsev O.G. Constitution of the Ninety-Third. History of the Phenomenon. (Documentary Poem in Seven Parts from the Executive Secretary of the Constitutional Commission of 1990–1993). 3rd ed. Moscow, 2018. 400 p.

2. Burnam W.; Vlasikhin V.A. (ed.). The USA Legal System. Moscow, Novaya yusticiya Publ., 2006. 608 p.

3. Rayanov F.M. Legal Social Science. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 264 p.

Информация об авторе

Зайнагабдинов Азамат Радикович *– аспирант кафедры теории государства и права Института права*

Information about the Author

Zainagabdinov Azamat Radikovich *– Postgraduate Student of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 19.02.2024.
The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 19.02.2024.

Научная статья
УДК 34
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.4

Назарова Ирина Владимировна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия, irina1902198222@mail.ru

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ И ЦЕННОСТЕЙ В МЕДИЦИНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

Аннотация. Проблемы закрепления в Конституции РФ правовых норм в сфере охраны здоровья населения и их интегрирования в законы и подзаконные акты, содержащие нормы медицинского права, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Развитие права граждан на оказание медицинской помощи корреспондирует с обязанностью государства оказывать такую помощь.

Ключевые слова: государство, право, конституционные принципы, медицинское право, правовое регулирование, здоровье

Для цитирования: Назарова И.В. Развитие конституционных принципов и ценностей в медицинском законодательстве Российской Федерации / И.В. Назарова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.4 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 47–59.

© Назарова И.В., 2024

[1] Статья написана на основе материалов, подготовленных для выступления на XX Международной научно-практической конференции «Конституция: вчера, сегодня, завтра», посвященной Дню прав человека и 30-летию Конституции Российской Федерации и Республики Башкортостан (Уфа, 8 декабря 2023 г.).

Original article

Nazarova Irina Vladimirovna
Ufa University of Science and Technologies,
Ufa, Russia, irina1902198222@mail.ru

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES AND VALUES' DEVELOPMENT IN THE MEDICAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The problems of fixing in the Constitution of the Russian Federation legal norms in the sphere of public health protection and their integration into laws and bylaws containing norms of medical law are interrelated. The development of citizens' right to medical care corresponds with the obligation of the state to provide such sort of care.

Keywords: state, law, constitutional principles, medical law, legal regulation, health

For citation: Nazarova I.V. The Constitutional Principles and Values' Development in the Medical Legislation of the Russian Federation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2024, no. 1, pp. 47–59. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.4.

Конституция является главным нормативным правовым актом, который определяет основные направления государственно-правового развития. Совершенствование всей системы права, в том числе и отраслевого законодательства, связано с Конституцией, так как она представляет собой основу всей законодательной системы государства. Это обусловлено еще и тем, что Конституция как основной нормативный правовой акт обладает высшей юридической силой в действующей в стране системе норм права. В соответствии с этим требования всех остальных правовых актов согласуются с установками Конституции и ни в коем случае не могут ей противоречить.

Сорок семь статей в гл. 2 Конституции РФ регламентируют права и свободы граждан, в том числе право на охрану здоровья. К вопросу о развитии конституционных принципов и ценностей в медицинском законодательстве Российской Федерации непосредственное отношение имеет ст. 41. В ней говорится, что все люди, проживающие в нашей стране, имеют право на охрану жизни и здоровья и гарантированную медицинскую помощь. При этом указано, что «медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений».

В ч. 2 ст. 41 Конституции РФ установлено, что в нашей стране «финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию».

В соответствии с ч. 3 ст. 41 Конституции РФ «сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом».

В ст. 42 Конституции РФ говорится о том, что каждый человек в нашей стране «имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением».

На наш взгляд, содержание термина «охрана здоровья», данное в ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1], в целом отражает его смысл, однако нуждается в уточнении и конкретизации. При этом необходимо учитывать, что дефиниция «охрана здоровья» охватывает и такие смысловые нюансы, как «обеспечение достойного уровня медицинского обслуживания», «защита от угроз жизни и здоровью граждан», «организация и совершенствование системы здравоохранения страны» и т. д.

В соответствии с данным в упомянутом федеральном законе определением охрана здоровья предполагает наличие в стране объективной возможности предпринять меры для охраны здоровья. В первую очередь это комплекс социальных, научных и политических мер. Они находятся в сфере ведения государственных органов Российской Федерации и ее субъектов, включая органы местного самоуправления, а также различные организации и должностных лиц, работающих в этих структурах. Все это организовано и проводится «в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи». Требует соответствующего внимания и то, что подчеркивание в данном законе термина «каждого человека», с одной стороны, служит дополнительной гарантией не только предоставления медицинской помощи всем без исключения людям, но и доказательством возможности действительной реа-

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 08.03.2022) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

лизации права всех граждан на медицинское обслуживание в соответствии с принципами законности, равенства, демократизма, гуманизма и справедливости, а также высокого профессионализма со стороны сотрудников органов здравоохранения. С другой стороны, изложенные положения, вне всякого сомнения, отражают реальное закрепление медицинских прав за всеми гражданами современной России.

Однако так было не всегда. Для получения реальной картины, сложившейся в данной сфере деятельности государства, необходимо рассмотреть основные моменты, связанные с историей отражения прав граждан на получение врачебно-санитарной помощи в конституциях нашей страны, которые предшествовали Конституции РФ 1993 г. Как известно, без изучения истории развития конституционализма сложно представить реальные контуры возможного будущего и основные векторы динамики событий.

Изучение текстов первых советских конституций позволяет говорить о том, что все они имеют свои, характерные только им особенности. Прежде всего, необходимо сказать о том, что, с одной стороны, появление конституции действительно было революционным во всех смыслах этого слова. С другой стороны, специфичным моментом является то, что в принятой в очень сложных условиях разгорающейся Гражданской войны Конституции РСФСР 1918 г.[1] не было специального раздела, посвященного правам граждан на получение медицинской помощи.

Почему-то современные исследователи, изучая особенности того периода, упускают из виду и не всегда подчеркивают, что съезд Советов был высшим органом государственной власти. Поэтому Конституция РСФСР 1918 г. не могла пройти мимо рассматриваемого нами вопроса. Она предусматривала начальные условия для становления системы органов здравоохранения, хотя в ней особое внимание вопросам здравоохранения в интересующем нас контексте не уделялось, то есть проблема обеспечения права человека обращаться в соответствующие учреждения за медицинской помощью не нашла отражения.

Характеризуя этот период в истории нашего государства, исследователи часто используют слово «впервые». Но для того, чтобы в истории страны появилось что-то новое, например, право на охрану здоровья, безусловно, было необходимо создать условия для реализации такого права. В то непростое время в первую очередь речь шла о сохранении жизни населения, ведь была очень высокая смертность, в том числе из-за низкого качества оказываемой медицинской помощи.

---

[1] Конституция РСФСР от 10.07.1918 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

В Конституции СССР 1924 г.[1] тоже нет понятия «право граждан на медицинскую помощь». Однако необходимо отметить, что гл. 1 разд. 2 данной Конституции все же вскользь отражает данное право. В ней указано, что «установление общих мер в области охраны народного здравия» находится в сфере ведения высших органов государственной власти.

Не вызывает сомнения действительность того, что уже само появление термина «народное здравие» говорило о том, что, во-первых, наконец-то в стране на высшем уровне было обращено внимание на необходимость охраны здоровья населения; во-вторых, было указано на то, что органы государственной власти признают свою ответственность в этом деле. Все это можно считать началом становления и развития системы здравоохранения в нашей стране. Это означало, что во внутренней политике Советского государства сформировалась установка относиться к здоровью народа как к общественному достоянию. Однако для реализации этого нужны были соответствующие условия, без которых начать работу по созданию системы здравоохранения было невозможно.

Общеполитическая и экономическая обстановка, которая сложилась в стране после Гражданской войны, оставалась сложной. И данная ситуация не могла не повлиять на решение проблемы организации системы здравоохранения.

Дальнейшее исследование текстов советских конституций приводит нас к выводу о том, что понятие «медицинская помощь» в нашей стране впервые было использовано в ст. 120 Конституции СССР 1936 г. В ней уже конкретно указывается, что «граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Это право обеспечивается широким развитием социального страхования рабочих и служащих за счет государства, бесплатной медицинской помощью трудящимся, предоставлением в пользование трудящимся широкой сети курортов»[2]. Анализ указанной статьи приводит к выводам о том, что это уже не просто декларированная возможность получения медицинской помощи, кстати, абсолютно бесплатной, но и ее реальная доступность для советского народа. С того времени закрепилось и название министерства, которое отвечает за обеспечение населения медицинским обслуживанием, – Министерство здравоохранения.

---

[1] Конституция СССР, утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31.01.1924 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

[2] Конституция СССР от 05.12.1936 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

Необходимо подчеркнуть, что Конституция РСФСР, принятая 21 января 1937 г., как и Конституция СССР 1936 г., закрепила право граждан РСФСР на бесплатную медицинскую помощь, что было безусловным достижением Советского государства в области охраны здоровья населения нашей страны[1]. 7 октября 1977 г. была принята последняя Конституция СССР, в которой идет речь уже не только о «праве граждан на охрану здоровья» вообще, но и о конкретных гарантиях реализации этого права[2].

Нужно обратить особое внимание на то, что без реальных гарантий со стороны государства простое декларирование права не имеет никакого смысла. В соответствии со ст. 42 Конституции СССР право на охрану здоровья обеспечивалось «бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения; расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан; развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии…». В этой же статье речь идет также и о том, что все это сопровождается «проведением широких профилактических мероприятий; мерами по оздоровлению окружающей среды; особой заботой о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием; развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан».

Общеизвестным является тот факт, что безвозмездная медицинская помощь была доступна всем гражданам СССР вне зависимости от их социального и иного статуса, то есть любой обратившийся действительно получал такую помощь в необходимом объеме и совершенно бесплатно. В настоящее время в демократическом обществе остается все меньше гарантий на бесплатную медицинскую помощь безработным гражданам, так как медицинская помощь расценивается как услуга, оплачиваемая за счет фондов медицинского страхования. Нельзя отрицать положительные моменты советского права, повлиявшие на то, что медицинская помощь до настоящего времени может быть оказана всем без исключения.

Как и следовало ожидать, принятая 12 апреля 1978 г. Конституция РСФСР продублировала ст. 42 Конституции СССР 1977 г.

---

[1] Конституции РСФСР от 21.01.1937 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

[2] Конституция СССР от 07.10.1977 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

Таким образом, Конституция СССР 1977 г. и Конституция РСФСР 1978 г. заложили прочный фундамент по формированию права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, сформировали правовую основу для их последующей гарантированной реализации.

Необходимо отметить, что в Конституции РФ данное право не только закреплено, но и признано на государственном уровне. Здоровье человека – социально значимая ценность, требующая охраны, причем здоровье не только граждан нашей страны, но и иных лиц, не имеющих российского гражданства. Примечательно, что в Конституции РФ 1993 г. устанавливаются гарантии не только судебной защиты прав и свобод (ст. 46), но и внесудебные, то есть охрана прав и свобод допускается всеми способами, не запрещенными законом.

Право на охрану здоровья можно защищать не только в судебном порядке, но и путем обращения в различные органы власти и внебюджетные фонды. Активное развитие получило в настоящее время обращение в органы прокуратуры, министерства здравоохранения различных уровней, медицинские страховые организации. Кроме того, в больницах создаются отделы службы качества, которые контролируют правильность оказания медицинской помощи на местах и отвечают на запросы органов государственной власти по данному вопросу. Необходимо подчеркнуть, что внесудебные механизмы защиты прав граждан на медицинскую помощь – важный вектор не только в России, но и на мировом уровне [1].

Как Основной закон страны, Конституция РФ имеет прямое действие, но ее реализация находит отражение и в других нормативных правовых актах, которые принимаются в соответствии с ней и способствуют осуществлению конституционных установок.

Этим же обусловливается и то, что закрепленное в Конституции РФ право на охрану здоровья и медицинскую помощь фактически сопровождается возможностью наступления юридической ответственности за причинение вреда здоровью и предполагает соответствующие санкции за это деяние, что отражено в ГК РФ и УК РФ [2].

Проведя анализ конституций страны на различных этапах ее становления и развития, можно увидеть безусловный прогресс в закреплении права граждан на охрану здоровья и возможности получения необходимой медицинской помощи на конституционном уровне. Однако на практическом уровне граждане и в настоящее время сталкиваются с рядом проблем при получении медицинской помощи, например, с проблемой доступности медицинской помощи (сложности при записи на прием к врачу, отсутствие в медицинском учреждении врача необходимой специальности, отсутствие бесплатных лекарственных препаратов), качества оказания медицинской

помощи (недостаточная компетентность и квалификация медицинских работников, отсутствие оборудования для постановки диагноза и, как следствие, назначение неправильного лечения, что порой приводит к весьма плачевным последствиям). Ошибки в этой сфере необходимо минимизировать, ведь на кону жизнь и здоровье человека – самое ценное, что у нас есть.

Закрепленное в Конституции РФ право на получение бесплатной медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения – это не только безусловная обязанность государственных учреждений оказывать данную помощь бесплатно, но и оказать ее качественно. Нередко граждане в связи с невозможностью получения такой помощи по причине отсутствия специалистов либо оборудования вынуждены прибегать к услугам частных клиник.

На сегодняшний день наиболее привлекательной для развития отечественной системы здравоохранения является программа «Земский доктор», призванная устранить дефицит врачей и медицинских работников в сельской местности. Программа работает с 2012 г. и направлена на поддержку молодых специалистов-медиков. Она основывается на постановлении Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения"»[1]. Данная программа предусматривает выплату жилищных субсидий врачам и фельдшерам, которые переехали для продолжения своей профессиональной деятельности в сельскую местность[2]. С 2022 г. в ней могут принять участие студенты-медики и выпускники медицинских колледжей, которые вернулись в те населенные пункты, откуда уехали учиться.

Предоставление жилищных субсидий должно стимулировать медицинских работников различных категорий переезжать в села и небольшие города. Постановление Правительства РФ от 22 апреля 2022 г. № 739 «О внесении изменений в приложение № 5 к государственной программе Российской Федерации "Развитие здравоохранения"» усилило программу государственной поддержки врачей, которые работают в селах и отдаленных регионах. Порядок предоставления субсидий определяется и утверждается регионами исходя из их реальной заинтересованности в медицинских работниках.

Самым первым условием для получения субсидии, как и следует из назначения данной программы, является то, что претендующим на ее получе-

---

[1] Офиц. интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

[2] Условия программы «Земский доктор» в 2023 г. [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: https://ivprave.ru/prava/medical/zemskij-doktor (дата обращения: 24.12.2023).

ние медработникам нужно работать в селах, рабочих поселках или поселках городского типа, а также же в небольших городах с населением до 50 тыс. человек.

Претендент на участие в данной программе должен иметь гражданство России и высшее или среднее профессиональное медицинское образование. Здесь нюансов достаточно много. Например, денежные средства можно получить и по окончании целевого обучения, но только при условии трудоустройства в медицинскую организацию с укомплектованностью штата менее 60 %.

Одним из требований для заключения контракта с медицинским учреждением является обязанность отработать в нем не менее 5 лет, в противном случае денежные средства придется вернуть. Врач устраивается на работу на полный рабочий день. Примечательно, что оформление постоянной прописки в регионе для получения субсидии не требуется.

В настоящее время принять участие в программе могут не только на врачи, но и медсестры, фельдшеры, акушеры. Перечень специалистов, на которых распространяется получение субсидии от государства, отражен в приказе Министерства здравоохранения от 4 марта 2021 г. № 166н «Об утверждении примерного перечня должностей медицинских работников в медицинских организациях и их структурных подразделениях, при замещении которых осуществляются единовременные компенсационные выплаты на очередной финансовый год (программный реестр должностей)»[1]. Перечень вакантных специалистов размещен на сайте Министерства здравоохранения и ежегодно пересматривается. Стать участником программы может любой специалист, если в регионе есть соответствующая его квалификации вакантная должность.

В 2023 г. по всей стране установлены следующие субсидии: для врачей – 1 млн руб., для фельдшеров, акушеров и медицинских сестер – 500 тыс. руб. Для труднодоступных и удаленных территорий размер компенсации возрастает до 1,5 млн руб. для врачей и до 750 тыс. рублей для фельдшеров. Самую большую выплату могут получить медицинские работники, которые приехали для работы на Дальний Восток, Крайний Север и Арктику, где врачам положено 2 млн руб., фельдшерам – 1 млн руб. компенсации.

В ходе пресс-конференции 14 декабря 2023 г. Президент РФ В.В. Путин высказал предложение о выплате повышенных сумм подъемных для меди-

[1] Офиц. интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

цинских работников в новых регионах Российской Федерации[1]. Правда, предложение еще должны проработать в Правительстве РФ. При этом предполагается, что с единовременной выплаты не должен удерживаться НДФЛ. Примечательно, что вне зависимости от того, сколько в семье специалистов – медицинских работников, субсидия полагается каждому из них. Так, если в семье два специалиста-медика, например муж и жена, то каждый из них получит по 1 млн руб.

Кроме того, во вновь созданных российских регионах В.В. Путин предложил предоставлять медицинским работникам льготную ипотеку под 2 % годовых на приобретение жилья не только в новостройках, но и на вторичном рынке. Высказался В.В. Путин и за продление программы первичного звена здравоохранения, дальнейшую помощь сельской медицине, строительство ФАПов[2].

На сегодняшний день возможность получить субсидию имеется в каждом российском регионе, где есть открытые вакансии. В соответствии с теми данными, которые дает статистика, вопрос дефицита медицинских кадров наиболее остро стоит в Московской, Краснодарской, Смоленской, Томской областях и др.

Перечень других льгот для врачей и медицинских работников меняется в зависимости от региона проживания и может включать такие моменты, как выделение служебного жилья, предоставление земельного участка под строительство дома, покрытие части ипотеки, льготы на оплату ЖКХ. При этом каждый участник программы может самостоятельно распорядиться выплатой. Одним из популярных направлений остаются строительство дома, покупка квартиры или погашение ипотеки. С учетом того, что медицинский работник меняет место жительства, нужно решать жилищный вопрос, который и призвана решить данная программа. Тем не менее расходование средств по программе «Земский доктор» по назначению не контролируется и не может стать основанием для лишения субсидии.

---

[1] Об утверждении примерного перечня должностей медицинских работников в медицинских организациях и их структурных подразделениях, при замещении которых осуществляются единовременные компенсационные выплаты на очередной финансовый год (программный реестр должностей) : приказ Минздрава от 04.03.2021 № 166н [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

[2] Выступление Президента РФ В.В. Путина на пресс-конференции 14.12.2023 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://chemvagen.ru/2023/12/15/полный-текст-выступления-и-ответов-на/ (дата обращения: 24.12.2023).

За прием заявлений на получение компенсаций отвечает министерство (департамент) здравоохранения того или иного региона. В каждом регионе могут быть свои особенности предоставления перечня необходимых документов.

Для того чтобы принять участие в программе «Земский доктор» и получить соответствующую выплату, необходимо в первую очередь найти подходящую вакансию в том регионе, куда планирует поехать трудиться медицинский работник. Затем необходимо заключить контракт с медицинской организацией, получить копию приказа о приеме на работу, трудовую книжку и уже потом обратиться в учреждение здравоохранения с заявлением на компенсацию. Как правило, заявление рассматривается в течение месяца. После этого остается только дождаться поступления денег на указанный в заявлении счет.

Бывают случаи, когда в участии в программе «Земский доктор» могут и отказать. Это может случиться при несоответствии требованиям к претендентам или региональным условиям, из-за отсутствия необходимых документов или вакансий.

Предусмотрена юридическая ответственность за невыполнение условий программы «Земский доктор». Если медицинский работник не отработает 5 лет в сельской местности, то он возвращает государству сумму субсидии пропорционально отработанному периоду. Например, если отработано 4 года из 5, придется вернуть 200 тыс. руб.

Нужно отметить, что программа предусматривает и условия освобождения от данной ответственности. Деньги можно не возвращать в случае переезда в другое село, участвующее в программе, но с обязательным предварительным согласованием с местной организацией здравоохранения, а также при поступлении на обучение по профессиональным программам. Работника могут освободить от ответственности также в случаях, установленных п. 8 ст. 77 и ст. 83 ТК РФ.

Субсидия не подлежит возврату, если медицинский работник ушла в декретный отпуск. В случае нахождения работника в отпуске по уходу за ребенком договор участия в программе не подлежит продлению.

Таким образом, программа «Земский доктор» способствует устранению дефицита медиков в сельской местности. Также она предполагает материальные условия для специалистов, переезжающих в село, путем выплаты компенсации, что в современных условиях является немаловажным фактором, особенно для молодых семей. Начиная с 2022 г. круг получателей выплат расширился, сейчас компенсацию могут получить специалисты без ограничений по возрасту, в том числе специалисты, которые после окончания вуза вернулись

на родину. Но если уволиться с места работы или уехать, не отработав положенный 5-летний срок, то субсидию придется вернуть.

Все это говорит о том огромном значении, которое придает руководство нашего государства проблемам совершенствования системы здравоохранения и медицинского обслуживания населения страны. Более того, в своем Послании Федеральному Собранию РФ 2023 г. Президент РФ В.В. Путин среди сфер жизнедеятельности, которые имеют критическое значение для жизни страны, назвал и медицину[1].

Однако, несмотря на декларированное в Конституции РФ право граждан на оказание медицинской помощи, данные положения должны ложиться в основу других законов и подзаконных актов в сфере медицинского законодательства. На это необходимо время, но прогресс в развитии конституционных норм и принципов уже очевиден. Сегодня вряд ли есть область законодательства, которая бы не претерпела изменений в связи с принятием Конституции РФ, а медицинское право не только не стало исключением из этого правила, но и во многом показательно. Так и должно быть, ведь что может быть превыше жизни человека и его здоровья.

Список литературы

1. Тимофеев И.В. Право и медицина: конституционно-правовые, организационные вопросы доступности и качества медицинской помощи : учебное пособие для врачей и юристов / И.В. Тимофеев. – Санкт-Петербург : ДНК, 2017. – 446 с.

2. Шамликашвили Ц.А. Взаимопомогающее право / Ц.А. Шамликашвили // Закон. – 2012. – № 5. – С. 156–160.

References

1. Timofeev I.V. Law and Medicine: Constitutional, Legal, Organizational Issues of Accessibility and Quality of Medical Care. Saint Petersburg, DNA Publ., 2017. 446 p.

2. Shamlikashvili T.A. Collaborative Law. *Zakon,* 2012, no. 5, pp. 156–160. (In Russian).

[1] Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 21.02.2023 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.12.2023).

Информация об авторе

Назарова Ирина Владимировна – *аспирант кафедры теории государства и права Института права*

Information about the Author

Nazarova Irina Vladimirovna – *post-graduate student of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 29.12.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 02.02.2024.
The article was submitted 29.12.2023; approved after reviewing 01.02.2024; accepted for publication 02.02.2024.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

CIVIL LAW, FAMILY LAW, BUSINESS LAW, PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Научная статья
УДК 347
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.5

Муллануров Айдар Азатович[1, 2]
[1]Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
[2]ООО «СА «Барристер», Уфа, Россия, Aidar_sud@mail.ru

ИНСТИТУТ ЛИЧНОГО ФОНДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. За последние шесть лет в ГК РФ появились два новых инструмента наследственного планирования – личный фонд (с 2022 г.) и наследственный фонд (с 2018 г.). Статья посвящена исследованию указанных новелл гражданского законодательства и науки. Автор проводит аналогии со схожими институтами в зарубежных странах. В статье описаны основные положения, регулирующие статус личных фондов, проанализирована сущность личного фонда как юридического лица. Автор приходит к выводу, что институт личного фонда будет способствовать бесконфликтному наследованию крупных состояний. Актуальность темы обусловлена новизной института личного фонда, отсутствием сложившейся практики применения норм о личных фондах.

Ключевые слова: личный фонд, наследственный фонд, наследование имущества, выгодоприобретатель

Для цитирования: Муллануров А.А. Институт личного фонда в гражданском праве России / А.А. Муллануров. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.5 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 60–67.

© Муллануров А.А., 2024

Original article
Mullanurov Aidar Azatovich[1, 2]
[1]Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
[2]LLC “Barrister”, Ufa, Russia, Aidar_sud@mail.ru

PERSONAL FUND INSTITUTION IN RUSSIAN CIVIL LAW

Abstract. Over the last six years, two new instruments of inheritance planning have appeared in the Civil Code of the Russian Federation: personal fund (2022) and inheritance fund (2018). The article is devoted to the study of these civil legislation and science novels. The author makes analogies with the similar institutions in foreign countries. The article describes the main principles regulating the status of personal funds, analyses the essence of a personal fund as a legal entity. The author comes to the conclusion that the institution of personal fund will contribute to conflict-free inheritance of large fortunes. The relevance of the topic is based on the novelty of the personal fund institution and the lack of application of norms on personal funds practice.

Keywords: personal fund, inheritance fund, inheritance of property, beneficiary

For citation: Mullanurov A.A. Personal Fund Institution in Russian Civil Law. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2024, no. 1, pp. 60–67. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.5.

Долгое время в гражданском праве России отсутствовали удобные механизмы передачи бизнеса наследникам. По мнению законодателя, институт английского траста должны были заменить нормы о доверительном управлении. Однако российский аналог не стал востребованным. При передаче имущества в доверительное управление право собственности к доверительному управляющему не переходит, а значит имущество остается в наследственной массе собственника и распределяется между наследниками согласно общим правилам наследования. Слабым местом конструкции является и то, что кредиторы учредителя управления в случае его банкротства могут обратить взыскание на имущество, переданное в доверительное управление.

В таких условиях наиболее состоятельные граждане часто обращались к институту траста в странах англосаксонской системы права или к институту личного фонда в странах континентального права[1], а россиянам с более

[1] Муратова Е. Наследственные фонды: новеллы правового регулирования [Электронный ресурс] // Казаков и партнеры : сайт. URL: https://abkazakov.ru/publications/nasledstvennye-fondy-novelly-pravovogo-regulirovaniya/ (дата обращения: 07.02.2024).

скромными доходами приходилось использовать институты наследования по закону или по завещанию. Однако в последние два года ввиду многочисленных ограничений на оказание правовых и финансовых услуг для россиян в тех странах, где ранее совершались такие сделки, учреждение новых трастов и европейских личных фондов стало фактически нереальным.

Стремясь исправить ситуацию, законодатель с 1 сентября 2018 г. ввел новый вид юридического лица – наследственный фонд. Институт наследственных фондов вызвал немало дискуссий. Представители правовой науки и практикующие юристы высказали замечания и выразили сомнения в жизнеспособности нововведения [1; 2, с. 2151–2154; 3, с. 41–42; 4, с. 58].

В июле 2021 г. законодатель внес большой блок изменений в ГК РФ. С 1 марта 2022 г. фонды делятся на две новые организационно-правовые формы: общественно полезные фонды и личные фонды. К первым относятся общественные и благотворительные фонды. Наследственные фонды стали разновидностью личных фондов.

Личным фондом признается учрежденная на определенный срок либо бессрочно гражданином или после его смерти нотариусом унитарная некоммерческая организация, осуществляющая управление переданным ей этим гражданином имуществом или унаследованным от этого гражданина имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления (ст. 123.20-4 ГК РФ). Таким образом, личный фонд является юридическим лицом, что существенно отличает его от английского траста и исламского вакфа и роднит с конструкцией личного фонда в странах континентального права (Германия, Лихтенштейн, Швейцария, Испания и др.) [5, с. 111].

Высказываются сомнения в обоснованности отнесения личных фондов к некоммерческим организациям [4, с. 59–60]. Законодатель прямо предусмотрел, что фонд вправе заниматься предпринимательской деятельностью, если это не противоречит уставным целям. Более того, конструкция фонда (высокая стоимость имущества, необходимого для создания фонда, характер передаваемого имущества, возможность установления сложной системы управления и право выбора налогового режима) предполагает, что в большинстве случаев фонды как раз и будут преследовать цель извлечения прибыли.

Признание личного фонда некоммерческой организацией означает, что многие споры, связанные с деятельностью фондов (создание и ликвидация, оценка действий управляющего фондом), будут рассматриваться судами общей юрисдикции, что, безусловно, отрицательно скажется на интересе предпринимателей к этому правовому инструменту. В то же время тот факт, что сам личный фонд вправе заниматься предпринимательской деятельностью, может выступать учредителем или участником коммерческих организаций – хозяйст-

венных обществ, заметно повышает его привлекательность. Это обеспечивает не только сохранение, но и приумножение имущества фонда в интересах выгодоприобретателей, хотя такая деятельность имеет рисковый характер (возможность потери имущества).

Личный фонд максимально близко связан с личностью учредителя. Это выражается в том, что создать учреждение может только один человек (исключение сделано для супругов в части распоряжения совместным имуществом), он же «наполняет» его своим личным имуществом, утверждает и изменяет устав фонда, условия управления им, состав органов управления, а название фонда обязательно должно включать словосочетание «личный фонд» или «наследственный фонд».

Связь учредителя и учрежденного фонда проявляется и во взаимной субсидиарной ответственности. Учредитель несет субсидиарную ответственность по обязательствам личного фонда при недостаточности его имущества, а личный фонд, за исключением наследственного фонда, субсидиарно отвечает своим имуществом по обязательствам учредителя личного фонда в течение трех лет со дня его создания. Для наследственного фонда установлено иное правило – он отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости полученного наследства солидарно с другими наследниками.

По прошествии указанного периода фонд не несет никакой ответственности по обязательствам учредителя, а учредитель не отвечает по обязательствам фонда, а значит нельзя обратить взыскание на имущество фонда по долгам учредителя. Такая обособленность имущества фонда от имущества его учредителя при создании прижизненного личного фонда привлекает внимание ученых [6, с. 17].

С одной стороны, цели личного прижизненного фонда недостижимы в отсутствие иммунитета имущества фонда. Поэтому правило, что фонд не отвечает по долгам своего учредителя, выглядит логичным. Однако есть риск того, что суды, стремясь удовлетворить требования кредиторов учредителя-должника, будут широко трактовать нормы о злоупотреблении правом и станут признавать недействительными сделки по передаче имущества в личный фонд.

С другой стороны, высока вероятность того, что фонды будут создаваться не столько ради наследственного планирования, сколько для обеспечения безопасности активов через вывод их из зоны потенциального доступа кредиторов [4, с. 61].

Стоимость имущества, единовременно передаваемого личному фонду при создании, не может быть менее ста миллионов рублей (исходя из отчета об определении рыночной стоимости). В то же время для имущества, передаваемого в наследственный фонд, минимальный порог стоимости не пре-

дусмотрен. Видимо, это различие стало основной причиной разной востребованности этих видов фондов. Так, за два года существования института личного фонда было учреждено 17 таких фондов, а за три года с момента появления наследственных фондов нотариусы удостоверили около 800 завещаний с соответствующими условиями[1].

Учредитель может передать фонду любое принадлежащее ему имущество – недвижимость, денежные средства, ценные бумаги, оборудование, яхты и т. п. Причем можно передать даже зарубежные активы.

Для создания личного фонда гражданин должен оформить соответствующее письменное решение, утвердить устав и условия управления фондом, все три документа подлежат нотариальному удостоверению, в них учредитель определяет, кто и как будет управлять фондом, выгодоприобретателей и их права на получение имущества фонда, порядок получения. Содержание этих документов фонда конфиденциально и недоступно для третьих лиц, если иное не установлено уставом фонда.

Управление фондом может быть передано как единоличному, так и коллегиальному органу, формируемому непосредственно самим учредителем, либо по заранее определенному порядку после его смерти. Учредитель вправе назначить единоличным управляющим личным фондом или членом коллегиального органа любое физическое или юридическое лицо, за исключением себя самого. Закон не устанавливает специальных требований к этим лицам. Предоставляемая учредителю дискреция в части формирования органов управления фондом вполне оправданна. Расставаясь с имуществом стоимостью в сто и более миллионов рублей, собственник должен быть уверен в том, что оно будет находиться в честных и профессиональных руках.

В.И. Солдатова полагает, что в дальнейшем к лицам, занимающим должности в органах управления личными фондами, будут предъявляться квалификационные требования (например, наличие лицензии на эту деятельность, опыт в сфере доверительного управления имуществом и т. п.) [7, с. 91]. Очевидно, что автор опирается на опыт регулирования деятельности личных фондов в странах континентальной правовой системы. Однако для России введение таких требований в обозримом будущем полагаем преждевременным. В стране за три десятилетия рыночных отношений так и не сложился институт сертификации профессиональных управляющих, отсутствуют объективные рейтинги. Владельцы бизнеса крайне редко передают управление сторонним менеджерам, предпочитают управлять сами или доверяют специалистам, «выращенным» в собственной компании. Доверие к менеджеру часто

[1] Куликов В. Восемьсот граждан РФ решили создать свои наследственные фонды // Российская газета. 2021. № 213.

основывается не столько на его деловых качествах, образовании, наличии различных сертификатов, сколько на личной близости (члены семьи, друзья, давние коллеги). Логично предположить, что при таком кризисе доверия при жизни мало кто согласится, чтобы активами его фонда после смерти управлял малознакомый человек, пусть даже и хорошо обученный.

Ключевой фигурой для личного фонда помимо его учредителя является выгодоприобретатель. Выгодоприобретателями могут стать любые участники гражданских правоотношений из определенного или неопределенного круга лиц, кроме коммерческих организаций. Например, учредитель может назначить выгодоприобретателями членов семьи (всех или кого-то выборочно), ключевых сотрудников в бизнесе (реализовать своего рода «посмертный опцион»), детей от предыдущих браков и т. д. В то же время можно просто описать условия, при которых выгодоприобретателем станет лицо, чьи данные на момент учреждения фонда неизвестны (например, еще не родившиеся внуки или правнуки, победитель какого-нибудь конкурса и т. п.).

Важной составляющей правового статуса выгодоприобретателя личного фонда является правило об отсутствии солидарной или субсидиарной ответственности – выгодоприобретатели не отвечают по обязательствам личного фонда, а фонд не отвечает по обязательствам выгодоприобретателя. Права выгодоприобретателя личного фонда, по общему правилу, не могут переходить к другим лицам, в том числе в случае универсального правопреемства. На права выгодоприобретателя не может быть обращено взыскание по обязательствам такого выгодоприобретателя.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Личные фонды – некоммерческие унитарные организации, которые стало возможным создавать с марта 2022 г., после внесения соответствующих изменений в ГК РФ, притом что наследственные фонды как их разновидность («посмертные фонды») создавать можно было еще с 2018 г. Российская модель личных фондов предназначена для регулирования управления собственностью, чтобы обеспечивать надежность работы бизнеса в долгосрочной перспективе, даже после смерти его собственника, исключив негативные сценарии раздела имущества наследниками. Имущество становится обособленным, поскольку собственник – учредитель личного фонда – ограничивает собственные права на актив, отстраняется от операционного управления им, передает его в управление профессионалу. Дальнейшее развитие данного института, очевидно, связано с тем, как в судебной практике будет закрепляться механизм отсутствия перекрестной ответственности по обязательствам личного фонда и его учредителя, а также механизм снижения риска оппортунистического поведения органа управления личного фонда.

Список источников

1. Антонова А.А. Наследственный фонд в законодательстве Российской Федерации: проблемные аспекты / А.А. Антонова // Наука. Общество. Государство. – 2018. – Т. 6, № 4 (24). – URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/antonova_aa_2018_4_17.pdf (дата обращения 07.02.2024).

2. Голованов Н.М. Проблемы правового регулирования наследственных фондов в России / Н.М. Голованов // StudNet. – 2022. – № 4. – С. 2149–2160.

3. Корнева М.М. Сравнительно-правовой анализ траста и наследственного фонда в Англии и России / М.М. Корнева // Уральский журнал правовых исследований. – 2020. – № 5 (12). – С. 32–47.

4. Почепцова М.М. Личный фонд – новая организационно-правовая форма юридического лица в России. Дискуссионные вопросы / М.М. Почепцова // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2022. – № 4. – С. 56–63.

5. Вронская М.В. Соотношение российских наследственных фондов со смежными зарубежными правовыми категориями / М.В. Вронская // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2019. – Т. 11, № 4. – С. 108–119.

6. Жуков Ф.Ф. Правовой статус личных прижизненных фондов в гражданском праве: краткий очерк / Ф.Ф. Жуков // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2021. – № 4 (68). – С. 15–19.

7. Солдатова В.И. Новеллы гражданского законодательства о фондах / В.И. Солдатова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 11. – С. 87–93.

References

1. Antonova A.A. An Inherited Fund in the Legislation of the Russian Federation: Problematic Aspects. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State,* 2018, vol. 6, no. 4 (24). Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/antonova_aa_2018_4_17.pdf.

2. Golovanov N.M. Problems of Legal Regulation of Inheritance Funds in Russia. *StudNet,* 2022, no. 4, pp. 2149–2160. (In Russian).

3. Korneva M.M. Comparative Legal Analysis of the Trust and Inheritance Fund in England and Russia. *Ural'skij zhurnal pravovyh issledovanij = Ural Journal of Legal Research,* 2020, no. 5 (12), pp. 32–47. (In Russian).

4. Pocheptsova M.M. Personal Fund is a New Organizational and Legal Form of a Legal Entity in Russia. Discussion Issues. *Pravovoe regulirovanie eko-*

nomicheskoj deyatel'nosti = Legal Regulation of Economic Activity, 2022, no. 4, pp. 56–63. (In Russian).

5. Vronskaya M.V. The Ratio of Russian Inheritance Funds to Related Foreign Legal Categories. Territoriya novyh vozmozhnostej. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service,* 2019, vol. 11, no. 4, pp. 108–119. (In Russian).

6. Zhukov F.F. Legal Status of Personal Lifetime Funds in Civil Law: a Brief Outline. *Vestnik TvGU. Seriya: Pravo = Vestnik Tver State University. Series: Law,* 2021, no. 4 (68), pp. 15–19. (In Russian).

7. Soldatova V.I. Novelties of Civil Legislation on Foundations. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),* 2021, no. 11, pp. 87–93. (In Russian).

Информация об авторе

Муллануров Айдар Азатович *– аспирант кафедры гражданского права Института права, управляющий партнер*

Information about the Author

Mullanurov Aidar Azatovich *– Postgraduate Student of the Chair of Civil Law, Institute of Law, Managing Partner*

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 11.03.2024.
The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 11.03.2024; accepted for publication 11.03.2024.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; CRIMINAL AND PENAL LAW

Научная статья
УДК 343.9
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.6

Вяткин Андрей Николаевич
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
van-88888@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3347-8903

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСА

Аннотация. В статье автор синтезирует отправные тезисы профилактики преступлений; настаивает на необходимости практической реализации очевидного тезиса о предпочтительности профилактики преступности перед всеми формами борьбы с ней ввиду ряда причин, в первую очередь морального характера, не в последнюю – экономического; отмечает необходимость консолидации усилий всех субъектов профилактики при явном наличии недостатков правоприменения в этой сфере, приводит пример такого взаимодействия.

Ключевые слова: профилактика преступности, раскрываемость, расследование, ущерб, достоверность статистики, эффективность уголовного судопроизводства, координация, взаимодействие, незаконная рубка леса, прокурорский надзор, государственная политика

Для цитирования: Вяткин А.Н. Комплексный подход в профилактике преступлений: на примере расследования незаконной рубки леса / А.Н. Вяткин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.6 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 68–76.

© Вяткин А.Н., 2024

Original article

Vyatkin Andrey Nikolaevich
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
van-88888@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3347-8903

AN INTEGRATED APPROACH TO CRIME PREVENTION: ON THE EXAMPLE OF ILLEGAL LOGGING INVESTIGATION

***Abstract*.** In the article, the author synthesizes the starting points of crime prevention; insists on the need for the practical implementation of the thesis about the preference of crime prevention over all forms of combating it for a number of reasons, primarily of moral nature, and not least economic; notes the need to consolidate the efforts of all subjects of prevention due to the obvious shortcomings of law enforcement in this area.

Keywords: crime prevention, detection, investigation, damage, reliability of statistics, effectiveness of criminal proceedings, coordination, co-operation, illegal logging, public prosecutor's supervision, state policy

For citation: Vyatkin A.N. An Integrated Approach to Crime Prevention: on the Example of Illegal Logging Investigation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2024, no. 1, pp. 68–76. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.6.

Профилактика преступности предпочтительней всех мер, затраченных на выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений. В первую очередь к предотвращению, недопущению беды взывают все жертвы противоправных посягательств. Едва ли найдутся оппоненты этого тезиса, который мы и будем считать отправным.

Борьба с преступностью влечет огромные финансовые расходы – требует содержания внушительного аппарата служащих, зданий и технических средств, используемых в процессе предварительного расследования и отправления правосудия. Термин «окупаемость» неприменим к этим расходам в силу нравственных соображений, однако их можно и должно оценивать с позиции эффективности.

По данным статистики, раскрываемость преступлений в России на протяжении ряда лет составляет порядка 50 %. Можно ли считать ее эффективной с позиции отправного тезиса? Используемая в правоохранительных органах формула подсчета раскрываемости преступлений намеренно усложнена и не отражает реальных параметров, в действительности более низких. Вряд ли найдутся оппоненты тезиса о том, что реальная раскрываемость не

может зависеть от остатка дел в производстве органов расследования (необоснованное продление сроков по которым и позволяет искусственно «повышать» раскрываемость, используя подмену понятий, применив термин «расследовано»). Очевидно, что раскрытым следует считать преступление, по которому установлено причастное лицо, а доля таких дел существенно ниже 50 %, если принять во внимание количество латентных преступлений, по разным оценкам, превышающее данные официальной статистики от 2 до 10 и более раз (в зависимости от категорий преступлений, наименее укрытые и наиболее выявляемые среди которых – убийства, а также хищения и покушения на хищения, совершаемые с использованием информационных технологий). Так, ФинЦЕРТ[1] ежегодно регистрирует количество кибератак и звонков с целью хищения денежных средств, в несколько раз превышающее число зарегистрированных преступлений в этой сфере.

В особую категорию следует выделить ущерб от преступлений. Не беремся оценивать масштабы физического и морального ущерба, отметим лишь полную нетерпимость и неприемлемость любых фактов неправомерного проявления насилия, от лишения жизни как основной ценности, защищаемой Конституцией РФ, до бытового, уголовная политика в отношении которого балансирует под влиянием сопутствующих факторов (сложности доказывания, особенностей менталитета различных социальных групп) [1]. Полагаем, что количество жертв преступлений, в особенности при отсутствии восстановления справедливости в контексте целей наказания, обозначенных УК РФ, олицетворяет урон не только конкретным лицам, обществу в целом, но и государству, характеризуя степень его желания и объективную способность защищать своих граждан. Характеризуя же последствия экономического ущерба, отметим его колоссальные размеры и абсолютную несопоставимость с размерами возмещения.

Здесь также уместно обозначить некоторые факторы, влияющие на достоверность статистики в сторону завышения показателей возмещения вреда: стремление отдельных должностных лиц приукрасить свои результаты вместо реальной работы, извечное стремление всякого ведомства на словах оправдать свое существование. Факты искажения статистики регулярно выявляются в ходе осуществления прокурорского надзора[2].

---

[1] Центр взаимодействия и реагирования Департамента информационной безопасности – специальное структурное подразделение Банка России (от CERT – Computer Emergency Response Team, группа реагирования на компьютерные инциденты).

[2] О деятельности органов прокуратуры Брянской области в сфере уголовно-правовой статистики в первом полугодии 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_32/mass-media/news?item=89179796 (дата обращения: 12.01.2024).

Порой за реальное возмещение выдается стоимость изъятого либо арестованного имущества (стоимость его, как правило, завышается). Проиллюстрируем этот тезис на примере дел о незаконной рубке леса, в процессе расследования которых на месте вырубки обнаружено какое-то количество срубленной древесины. Такая древесина осматривается, признается вещественным доказательством, формально изымается. В подавляющем большинстве случаев она остается на месте, но принципиального значения в рассматриваемом контексте это не имеет, поскольку вся изъятая древесина, в том числе перемещенная на подведомственные Министерству лесного хозяйства РФ площадки, пропадает. В силу громоздкости механизма ее реализации, запускаемого лишь после вступления приговора в законную силу (несмотря на отнесение круглой древесины к числу скоропортящихся товаров), древесина приходит в полную негодность и подлежит лишь утилизации, требующей дополнительных затрат [2]. В официальной же статистике учитывается как один из параметров возмещения вреда ее стоимость на момент изъятия. Подытоживая, находим бюджетные затраты на уголовное судопроизводство крайне малоэффективными с точки зрения результатов противодействия преступности.

Государственная политика профилактики преступности характеризуется рядом ключевых тезисов, содержащихся в соответствующей нормативной базе. В частности, Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[1] (далее – ФЗ «Об основах системы профилактики») предусматривает «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» (ст. 2), реализуемых в рамках предусмотренных законом направлений и программ.

Значительное внимание уделяется вопросам профилактики преступлений в научной среде, как профильными учеными-криминологами, так и представителями смежных и иных отраслей (уголовного права, процесса и криминалистики; психологии, социологии, философии и др.) [3; 4; 5; 6]. Между тем сферы правового регулирования, науки и практики объединяет сегодня один весомый недостаток – отсутствие системного подхода к выработке и реализации профилактических мер.

---

[1] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Междисциплинарный подход снизил остроту споров о включении в предмет изучения вопросов, связанных с профилактикой преступлений и правонарушений в целом. Это значимый шаг, поскольку только консолидация усилий законодателя, правоприменителя и представителей науки способна обеспечить реализацию принципов системности и единства подходов при осуществлении профилактики правонарушений; открытость, непрерывность, последовательность, своевременность, объективность, достаточность и научную обоснованность принимаемых мер профилактики правонарушений, компетентность при осуществлении профилактики правонарушений, ответственность субъектов профилактики и их должностных лиц за обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина (ст. 4 ФЗ «Об основах системы профилактики»).

К числу субъектов профилактики ФЗ «Об основах системы профилактики» относит органы власти, прокуратуры и расследования. Это обстоятельство, наряду с самим существованием преступности с учетом нашего отправного тезиса, позволяет сделать вывод о возможности и необходимости последовательной реализации государственной политики в сфере профилактики преступлений на всех этапах нормотворчества и во всех сферах правоприменения. В частности, на всех уровнях образования следует распространить практику проведения наряду с профильными занятия воспитательно-профилактического характера с обсуждением поступков исторических и иных реальных персонажей, их причин и сопутствующих обстоятельств. Одновременно предлагается использовать преимущества проектного обучения, предусмотрев защиту проекта. Полагаем, это будет способствовать расширению аудитории, охваченной воспитательным воздействием, а равно кругозора школьников и студентов, способности анализировать причины противоправного поведения.

Детективные фильмы и криминальная хроника популярны у населения, но они не формируют социальных установок. Как правило, сюжет фильма начинается с обнаружения последствий преступления и завершается установлением виновного, оставляя за кадром картину последовательного формирования факторов, создающих условия и способствующих возникновению и реализации преступного замысла. Освещение криминальных происшествий в средствах массовой информации также требует смещения акцентов с последствий на их причины, последовательного информирования о результатах расследования резонансных дел, назначении и исполнении наказания, восстановлении социальной справедливости, принятии мер к устранению причин и условий преступления, их результатах, то есть на смену «жареным фактам» должны прийти синтезированные по итогам отправления правосудия мудрые тезисы, доступные к усвоению всеми социальными

группами, способные уберечь от рокового шага. Необходимы профессионально подготовленные телепрограммы с обсуждением и обобщением государственной политики в сфере профилактики правонарушений, детерминант и динамики ее эффективности, отражающие роль отдельных ведомств и конкретных должностных лиц. Такие программы следует дублировать в социальных сетях и иных информационных площадках с неограниченным доступом.

На всех стадиях уголовного судопроизводства следует сместить акценты на профилактику преступности, исходя из нашего отправного тезиса, а также исключительно субъективного характера причин и доводов в пользу невозможности этого. Несмотря на наличие ряда ведомственных приказов[1], к профилактике преступлений органы расследования относятся крайне формально, что обусловливает принятие мер прокурорского реагирования. Эти недостатки можно устранить, консолидировав усилия ведомств в рамках координации борьбы с преступностью[2]. Однако и органами прокуратуры такая работа зачастую проводится непоследовательно, при отсутствии должного глубокого анализа причин, принятия исчерпывающих мер к их устранению, создания механизмов, препятствующих повторному совершению преступлений.

Так, отсутствие акцентов на профилактике преступлений в рамках расследования фактов незаконной рубки леса не позволяет сосредоточить усилия на выявлении и устранении способствующих им обстоятельств, к которым отнесем низкую эффективность космического мониторинга (несвоевременность – спустя 6 месяцев и более – поступления в органы расследования расшифрованных снимков), непринятие мер к конфискации орудий преступления (к основным из которых следует отнести специализированные транспортные средства), бесконтрольное и беспрепятственное перемещение лесовозов в местностях, заведомо подверженных подобным преступлениям.

Возвращаясь к основному исходному тезису, который в этом контексте указывает на необходимость вместо подсчета ущерба принять исчерпывающие меры к сохранению леса – бесценной для человечества совокупности природных богатств, являющихся «основой устойчивого развития, жизни и деятельности народов, проживающих на территории Российской Федера-

---

[1] См., например: О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений») : приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 (ред. от 29.09.2022) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ции»[1], по нашему представлению, консолидация усилий всех органов профилактики требует:

– обеспечения доступа сотрудников Федеральной службы безопасности РФ в режиме реального времени к результатам наблюдения за состоянием лесов, проводимого при помощи специального оборудования, размещенного на спутниках;

– обеспечения незамедлительной передачи сведений о проведении незаконной рубки леса в органы внутренних дел и Министерство лесного хозяйства РФ;

– локального применения беспилотных летательных средств для оперативной фиксации следов преступления, идентификации людей и транспортных средств, маршрутов их передвижения, масштабов незаконной вырубки;

– незамедлительного задержания застигнутых на месте преступления, изъятия орудий, включая транспортные средства;

– незамедлительной оценки и реализации незаконно заготовленной древесины по правилам обращения со скоропортящейся продукцией в соответствии с требованиями ст. 82 УПК РФ, с возложением понесенных при этом затрат на обвиняемых солидарно посредством предъявления иска при отсутствии инициативы к добровольному их возмещению;

– обеспечения слаженной работы органов расследования, прокуратуры, Федеральной службы исполнения наказаний РФ и Федеральной службы судебных приставов РФ вплоть до полного погашения ущерба;

– принятия исчерпывающих скоординированных мер к конфискации по приговору суда орудий преступлений, в том числе специализированных транспортных средств (включающих доказывание осведомленности собственника об их неправомерном использовании либо номинальности такого собственника);

– разработки и принятия законопроекта, обязывающего собственников используемых в лесопромышленном комплексе транспортных средств в целях контроля за их перемещением устанавливать приборы навигации, использующие отечественное программное обеспечение (например, «Глонасс»); запрета эксплуатации такого транспорта без приборов, предполагающего помещение на специализированную стоянку.

Такой метод объективного контроля будет действенным дополнением имеющихся в распоряжении оперативных служб средств и позволит исключить возможность незаконной рубки леса ввиду неотвратимости наказания.

---

[1] Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Принятие перечисленных мер с обоснованием их необходимости для сохранения природы следует на систематической основе освещать в средствах массовой информации и при проведении учебных занятий с учетом положений Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», требующих, наряду со знаниями и навыками, воспитывать духовные и моральные ценности, «которые формируют личность гражданина, объединяют общество»[1]. Их совокупность способна на деле упредить совершение преступлений, реализовав тем самым основную задачу профилактики.

Подобные примеры характерны практически для всех сфер правоприменения и требуют внимания руководителей ведомств, учета при координации деятельности по профилактике преступлений на всех уровнях, включая федеральный.

Список источников

1. Тащёва А.И. Восприятие детьми семейного насилия / А.И. Тащёва, С.В. Гриднева // Психология и право. – 2013. – Т. 3, № 1. – URL: https:// psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n1/58360 (дата обращения: 09.01.2024).

2. Вяткин А.Н. Актуальные вопросы возмещения вреда от незаконных лесных рубок / А.Н. Вяткин // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2021. – № 4 (12). – С. 131–136.

3. Тарайко В.И. Экологическая преступность в России: причины, условия, профилактика : монография / В.И. Тарайко. – Архангельск : Северный (Арктический) федеральный университет, 2011. – 131 с.

4. Линкевич А.Е. Ранняя профилактика преступности несовершеннолетних в летний период / А.Е. Линкевич // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3 (41). – С. 138–141.

5. Прозументов Л.М. Причины отклоняющегося поведения несовершеннолетних и меры их предупреждения / Л.М. Прозументов, Д.В. Карелин, Н.В. Ольховик // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 3 (17). – С. 58–64.

6. Полстовалов О.В. Математическое моделирование на основе теории причинности в приложении к криминалистической характеристике и профилактике преступлений / О.В. Полстовалов // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4-1 (62). – С. 152–160.

[1] Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Tashcheva A.I. Children Perception of Abuse in Family. *Psihologiya i pravo = Psychology and Law,* 2013, vol. 3, no. 1. Available at: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n1/58360.

2. Vyatkin A.N. Current Issues of Indemnification from Illegal Logging. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uversity,* 2021, no. 4, pp. 131–136. (In Russian).

3. Taraiko V.I. Environmental Crime in Russia: Causes, Conditions, Prevention. Northern (Arctic) Federal University Publ., 2011. 131 p.

4. Linkevich A.Y. Prevention of Juvenile Delinquency in Summer Period. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice,* 2015, no. 3 (41), pp. 138–141. (In Russian).

5. Prozumentov L.M., Karelin D.V., Olkhovik N.V. The Reasons for a Deviant Behavior of Juveniles and Their Prevention. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law,* 2015, no. 3 (17), pp. 58–64. (In Russian).

6. Polstovalov O.V. Mathematical Modeling on the Ground of the Theory of Causality in Relation to Forensic Characteristics and Crime Prevention. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice,* 2020, no. 4-1 (62), pp. 152–160. (In Russian).

Информация об авторе

Вяткин Андрей Николаевич *– старший преподаватель кафедры криминалистики Института права.*

Information about the Author

Vyatkin Andrey Nikolaevich *– Senior Instructor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law.*

Статья поступила в редакцию 19.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 16.02.2024.
The article was submitted 19.01.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 16.02.2024.

Научная статья
УДК 343.85
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.7

Лифанова Марина Владиславовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия, lifanova2009@yandex.ru*

СЕМЕЙНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье проанализированы понятие и критерии семейного неблагополучия, получили оценку объективные и субъективные факторы, лежащие в его основе, исследованы основные направления профилактической работы. Обоснован вывод о необходимости своевременного выявления и контроля неблагополучных семей, в которых воспитываются несовершеннолетние дети, определены этапы работы с неблагополучными семьями.

Ключевые слова: семейное неблагополучие, неблагополучная семья, причины и условия преступности, семейное насилие, преступность несовершеннолетних

Для цитирования: Лифанова М.В. Семейное неблагополучие: криминологический анализ / М.В. Лифанова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.7 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 77–84.

Original article

Lifanova Marina Vladislavovna
Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, lifanova2009@yandex.ru

FAMILY PROBLEMS: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article analyzes the concept and criteria of family problems, the objective and subjective factors if these problems are examined, the main directions of preventive work are also studied. The author substantiates the conclusion about the necessity for early identification and control of dysfunctional families with minor children; the stages of work with dysfunctional families are defined.

© Лифанова М.В., 2024

Keywords: family trouble, dysfunctional family, causes and conditions of crime, family violence, juvenile delinquency

For citation: Lifanova M.V. Family Problems: Criminological Analysis*. Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2024, no. 1, pp. 77–84. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.7.

Становление человеческой личности неразрывно связано с социальной средой, в которой осуществляется воспитание подрастающего молодого человека. От качества этой среды и в первую очередь от социально-психологического климата в семье зависит очень многое. Семейная конфликтность и насилие, алкоголизм и наркомания, примеры криминального и асоциального поведения всегда выступают как отрицательные факторы воспитания, негативно влияют на всех членов семьи.

Семейное неблагополучие традиционно рассматривается в российской криминологической науке в качестве детерминанты бытовой преступности, женской преступности и преступности несовершеннолетних. Вместе с тем в науке отсутствует общепризнанное определение семейного неблагополучия и его признаков. Сложность указанной проблемы состоит в относительности рассматриваемого понятия и отсутствии его законодательного определения.

Так, Л.Я. Олиференко под неблагополучной понимает семью, в которой «наблюдается социальная неустроенность родителей и, как следствие этого, постоянный психологический надрыв, подкрепленный алкоголем, асоциальным поведением, отчуждением от окружающих» [1, с. 86].

М.А. Галагузова характеризует неблагополучную семью как не справляющуюся с возложенными на нее функциями в одной или нескольких сферах. Адаптивные способности такой семьи существенно снижены, процесс семейного воспитания ребенка протекает с большими трудностями, медленно, малорезультативно [2, с. 75].

По мнению Т.И. Шульги, главная характеристика неблагополучной семьи заключается в «отсутствии любви к ребенку, заботы о нем, удовлетворения его нужд, защиты его прав и законных интересов» [3, с. 13].

Неблагополучная семья, с точки зрения Ф.А. Мустаевой, – это семья, которая «в течение определенного времени не способна противостоять воздействию дестабилизирующих внесемейных и внутрисемейных факторов» [4, с. 112].

Как видим, определяющим признаком семейного неблагополучия является неспособность семьи создать для детей нормальные условия развития и воспитания. В этой связи Т.И. Шульга абсолютно справедливо отмечает, что неблагополучная семья – это семья, где отсутствует благо для ребенка [3, с. 11–12]. При этом не имеет значения, какой аспект семейного благо-

получия страдает – экономическая состоятельность, отсутствие любви и взаимоотношения в семье, способность защитить ребенка, способность создать необходимые условия для сохранения здоровья детей или иное.

Нам представляется, что с учетом изложенного критериями неблагополучия семьи следует признать следующие объективные и субъективные параметры жизни семьи.

1. Стиль отношений в семье характеризуется глубиной эмоциональной связи между ее членами. В этом плане неблагополучие семьи может быть обусловлено отсутствием теплых доверительных отношений, подавлением личности ребенка и его гиперопекой либо, напротив, попустительским отношением к ребенку и его поступкам, вседозволенностью, отсутствием присмотра и опеки. Бесспорно, неблагополучными семьями являются семьи, в которых практикуется насилие и иные непедагогичные приемы воспитания, демонстрируется равнодушие к детям и их проблемам, имеет место отношение к детям как к обузе, эмоциональная холодность в отношениях.

2. Социальное здоровье семьи предполагает умение ее членов контактировать друг с другом и окружающим обществом. Социально нездоровая семья имеет место, если в ней отсутствует атмосфера взаимовыручки и любви, которая заменяется конфликтными отношениями, ссорами, скандалами, детям демонстрируются примеры аморального, асоциального или криминального поведения, родители и другие совершеннолетние члены семьи склонны к алкоголизму, наркомании, демонстрируют двуличное отношение к социальным нормам и ценностям.

3. Социальное самочувствие семьи, под которым понимается низкая эмоциональная оценка членами семьи «своего общественного положения, уровня удовлетворения социально-экономических и духовных потребностей, интересов» [5, с. 98].

Следует также отметить необходимость учета и иных факторов, косвенно позволяющих оценить степень благополучия семьи. Это, например, состав семьи, ее полнота, материальная обеспеченность членов семьи и уровень семейного дохода, жилищные условия, состояние здоровья членов семьи. Указанные факторы сами по себе не означают неблагополучия, но усиливают действие других критериев, не позволяя семье эффективно выполнять свои функции.

Сложность определения семейного неблагополучия заключается в отсутствии его законодательного понятия, несмотря на то что данный термин активно используется правоохранительными органами и органами опеки и попечительства. Согласимся с тем, что при отсутствии четких правовых критериев понятия его применение неправомерно [6, с. 77], тем более в ситуации, когда понятие носит явно оценочный характер. Таким образом, понятие

семейного неблагополучия и прежде всего его критерии должны быть юридически закреплены, например, в Федеральном законе № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», поскольку проблемы семейного неблагополучия в первую очередь сказываются на состоянии, динамике и структуре преступности и правонарушающего поведения несовершеннолетних.

Семейное неблагополучие выступает как разноаспектный криминогенный фактор. Во-первых, оно является причиной отдельных преступлений и видов преступности. Бесспорно, семейное неблагополучие порождает преступность несовершеннолетних, поскольку дети, воспитываемые и проживающие в неблагоприятной социальной среде, достаточно рано проявляют склонность к аморальному и противоправному поведению, копируя поведение родителей либо добывая таким образом средства к существованию. «Семейное неблагополучие детерминирует разнообразные виды преступности, в особенности оно значимо как фактор криминогенного поведения лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста» [7, с. 57].

По данным Министерства внутренних дел РФ, удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в 2022 г. составил 2,9 %, треть из которых – тяжкие и особо тяжкие преступления[1]. В январе – ноябре 2024 г. выявлено 19 884 несовершеннолетних, совершивших преступления[2].

С другой стороны, неблагополучие и конфликтность детерминируют бытовые насильственные преступления, для которых они являются своеобразной питательной средой. И наконец, семейное неблагополучие выступает причиной отдельных корыстных, корыстно-насильственных преступлений и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Так, алкоголизм в семье подталкивает ее членов совершать преступления для добычи средств на покупку спиртного. В этих же целях родители-алкоголики или наркоманы вовлекают своих несовершеннолетних детей в совершение преступлений, попрошайничество и иные антиобщественные действия.

Во-вторых, семейное неблагополучие выступает в качестве условия, способствующего совершению преступлений, например, подталкивает женщин совершать преступления экономической направленности, а также хищения для обеспечения материальных потребностей семьи.

---

[1] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 г. // Министерство внутренних дел РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/ (дата обращения: 25.01.2024).

[2] Состояние преступности в России за январь – ноябрь 2023 г. // Министерство внутренних дел РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/45293174/ (дата обращения: 25.01.2024).

В-третьих, следует отметить виктимологическую составляющую. Члены неблагополучных семей, особенно дети, обладают повышенной виктимностью в силу социальной незащищенности, неправильного представления о нормальных взаимоотношениях.

В-четвертых, семейное неблагополучие обладает существенной криминологической особенностью – оно высоколатентно. В этой связи выделяют явное семейное неблагополучие и неблагополучие скрытое, которое в большинстве ситуаций и является латентным [8, с. 47]. Явно неблагополучные семьи – это семьи, недостатки отношений в которых видны и понятны окружающему обществу, тогда как скрытые неблагополучные семьи внешне ведут нормальный образ жизни, скрывают проблемы и противоречия от окружающих, приучая детей к двуличию и лицемерию. Последствия латентного семейного неблагополучия представляют особую опасность, поскольку такие семьи не попадают в сферу внимания правоохранительных органов, органов опеки и не вызывают обеспокоенности у родственников, соседей, школьных педагогов. При этом скрытое семейное неблагополучие не менее разрушительно для формирования личности ребенка и столь же криминогенно, как и неблагополучие открытое, явное для окружающих.

Таким образом, вопросы предупреждения семейного неблагополучия чрезвычайно важны для общества. Посредством воздействия на неблагополучные семьи осуществляется профилактика преступности несовершеннолетних, бытовой насильственной и женской преступности.

Предупреждение семейного неблагополучия означает выявление и постановку на учет таких семей, а также профилактическую работу с ними.

На первом этапе должны быть выявлены семьи, не справляющиеся со своими функциями, в частности с воспитанием детей. Поскольку семейное благополучие – это сложный комплекс взаимосвязанных факторов, среди которых отношения эмоциональные, педагогические, финансовые, психологические и т. п., характеристики таких семей достаточно разнообразны и многоплановы. Тем не менее, не претендуя на исчерпывающее рассмотрение поставленной проблемы, выделим некоторые из возможных ситуаций:

1) злоупотребление алкоголем, наркотиками, сильнодействующими веществами одним или несколькими членами семьи;

2) совершение в семье преступлений и правонарушений, применение насилия друг к другу и детям;

3) низкий уровень материальной обеспеченности семьи, отсутствие благоустроенного жилья;

4) низкий уровень духовно-нравственной сферы, примеры аморальных поступков взрослых членов семьи;

5) асоциальное поведение родителей, бродяжничество, попрошайничество, проституция;

6) конфликты в семье, отсутствие доброжелательных, уважительных отношений между членами семьи, неумение или нежелание разрешать семейные проблемы и противоречия путем переговоров;

7) невыполнение воспитательных функций, отсутствие у родителей педагогических навыков, нежелание заниматься детьми и их проблемами.

Каждая из указанных ситуаций требует оказания семье помощи, причем, если в семье находятся дети, помощь должна быть оказана немедленно. Такие семьи должны быть своевременно поставлены на учет и систематически проверяться.

Второй этап (профилактическая работа с неблагополучными семьями) предполагает составление индивидуальной программы социального сопровождения семьи. Профилактику семейного неблагополучия принято осуществлять на трех уровнях, каждый из которых важен.

1. Первичная профилактика предполагает выявление неблагополучных семей силами органов образования, здравоохранения, общественности. Профилактика семейного неблагополучия на этом этапе осуществляется в рамках общих мероприятий, направленных на пропаганду здорового образа жизни, правовое воспитание и формирование правосознания населения, нравственное воспитание, половое воспитание. Это осуществляется через школьные и иные общесоциальные мероприятия.

2. Вторичная профилактика предполагает привлечение к работе с неблагополучными семьями специализированных социальных служб и правоохранительных органов (органы опеки и попечительства, участковые уполномоченные полиции, подразделений по делам несовершеннолетних). Они должны оценить ситуацию, в которой оказалась семья, при наличии оснований поставить ее на учет как неблагополучную, определить и реализовывать меры по профилактике семейного неблагополучия. На этом уровне проводятся профилактические беседы, посещаются неблагополучные семьи, проводится обследование условий жизни детей.

3. Третичная профилактика предполагает вмешательство специальных медицинских и социальных служб, которые занимаются социально неблагополучными семьями и детьми, воспитывающимися в них. Например, это социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, социальные приюты, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, центры помощи женщинам, оказавшимся в кризисной ситуации.

Таким образом, в современном мире вопросы профилактической работы с неблагополучными семьями чрезвычайно важны. К сожалению, с ка-

ждым годом растет число таких семей. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, за последние пять лет в России выросло количество людей, в чьем окружении в основном неблагополучные семьи: в 2013 г. об этом говорили 4 %, в 2018 г. – 16 % опрошенных. В то же время каждый второй житель России (52 %) заявил, что практически не имеет в окружении неблагополучных семей, а у 45 % опрошенных есть неблагополучные знакомые, но 29 % из них назвали эти случаи единичными[1].

В заключение отметим, что в профилактической работе важно отдавать предпочтение раннему выявлению неблагополучия в семье. Ранняя профилактика наиболее эффективна, поскольку позволяет сохранить семьи и дает возможность детям воспитываться в родительской семье.

Список источников

1. Олиференко Л.Я. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска / Л.Я. Олиференко. – Москва : Академия, 2008. – 256 с.

2. Галагузова М.А. Социальная педагогика : учебник для вузов / М.А. Галагузова. – Москва : ВЛАДОС, 2009. – 166 с.

3. Шульга Т.И. Работа с неблагополучной семьей : учебное пособие для вузов / Т.И. Шульга. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – 213 с.

4. Мустаева А. Неблагополучная семья как фактор формирования девиантного поведения несовершеннолетних / А. Мустаева // Модернизация правового образования общества в условиях реформирования современной российской государственности : сборник научных статей / под ред. М.В. Михайлова. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2009. – С. 112–118.

5. Мустаева Ф.А. Социальное самочувствие семьи в современных условиях / Ф.А. Мустаева, О.Л. Потрикеева // Дискуссия. – 2013. – № 8 (38). – С. 95–102.

6. Каменская Р.А. Психолого-педагогическая профилактика ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних при работе с неблагополучными семьями / Р.А. Каменская, В.В. Виноградов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 7 (130). – С. 77–82.

7. Лифанова М.В. Семья как объект криминологического исследования / М.В. Лифанова // Вестник института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 3. – С. 55–60.

[1] Неблагополучные семьи: кто виноват и что делать? // Всероссийский центр изучения общественного мнения : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neblagopoluchnye-semi-kto-vinovat-i-chto-delat (дата обращения: 25.01.2024).

8. Соловьева Т.В. К вопросу об определении понятия «семейное неблагополучие» / Т.В. Соловьева, Н.Ю. Долотказина // E-Scio. – 2022. – № 5 (68). – С. 46–51.

References

1. Oliferenko L.Ya. Social and Pedagogical Support for Children at Risk. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 256 p.

2. Galaguzova M.A. Social Pedagogy. Moscow, VLADOS Publ., 2009. 166 p.

3. Shulga T.I. Working with a Dysfunctional Family: a Textbook for Universities. 2nd ed. Moscow, Yurajt Publ., 2023. 213 p.

4. Mustaeva A. Dysfunctional Family as a Factor in the Formation of Deviant Behavior of Minors. In M.V. Mikhailov (ed.). Modernization of Legal Education of Society in the Conditions of Reforming Modern Russian Statehood. Collection of Scientific Articles. Bashkir State Pedagogical University Publ., 2009, pp. 112–118. (In Russian).

5. Mustaeva F.A., Potrikeeva O.L. Social Well-Being of a Family under Modern Conditions. *Diskussiya = Discussion,* 2013, no. 8 (38), pp. 95–102. (In Russian).

6. Kamenskaya R.A., Vinogradov V.V. Psychological and Pedagogical Prevention of Improper Performance of Duties on Education of Minors When Working with Disadvantaged Families. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University,* 2018, no. 7 (130), pp. 77–82. (In Russian).

7. Lifanova M.V. Family as an Object of Criminological Research. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State Uversity,* 2022, no. 3, pp. 55–60. (In Russian).

8. Solovyova T.V., Dolotkazina N.Yu. On the Question of Defining the Concept of «Family Ill-Being». *E-Scio,* 2022, no. 5 (68), pp. 46–51. (In Russian).

Информация об авторе

Лифанова Марина Владиславовна *– кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права*

Information about the Author

Lifanova Marina Vladislavovna *– Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 29.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.
The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 29.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Научная статья
УДК 343.721
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.8

Середа Елена Васильевна[1, 2], Шивалов Илья Сергеевич[1, 3]
[1]Юридический институт (Санкт-Петербург),
Санкт-Петербург, Россия
[2]evs.54@mail.ru
[3]ilya.shivalov@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА, СВЯЗАННОГО С ОКАЗАНИЕМ УСЛУГ ОККУЛЬТНОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. В современных условиях актуализируются уголовно-правовые аспекты преступлений, связанных с мошенничеством в сфере оказания оккультных услуг. В связи с этим появляется необходимость исследования имеющихся на сегодняшний день нормативных правовых актов и судебной практики, имеющих отношение к данному виду преступных деяний. В статье рассматриваются некоторые черты данного преступления, элементы его состава, предлагаются рекомендации по превентивным мерам борьбы с ним.

Ключевые слова: преступление, уголовное право, мошенничество, оккультная деятельность, эзотерическая деятельность

Для цитирования: Середа Е.В. Некоторые особенности уголовно-правовой характеристики мошенничества, связанного с оказанием услуг оккультного характера / Е.В. Середа, И.С. Шивалов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.8 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 85–93.

© Середа Е.В., Шивалов И.С., 2024

Original article

Sereda Elena Vasilyevna[1, 2], Shivalov Ilya Sergeevich[1, 3]
[1]Law Institute (Saint Petersburg), Saint Petersburg, Russia
[2]evs.54@mail.ru
[3]ilya.shivalov@mail.ru

SOME FEATURES OF THE CRIMINAL LAW CHARACTERISATION OF AN OCCULT FRAUD

***Abstract*.** In modern conditions the criminal aspects of crimes related to fraud in the sphere of occult services are actualized. In this regard, there is a great need to study the existing normative legal acts and court practice related to this type of crimes. The article discusses some features of crime, its elements and offers the recommendations on preventive measures to combat it.

Keywords: crime, criminal law, fraud, occult activity, esoteric activity

For citation: Sereda E.V., Shivalov I.S. Some Features of the Criminal Law Characterisation of an Occult Fraud. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2024, no. 1, pp. 85–93. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.8.

Несмотря на развитие науки и технологий, у людей не ослабевает интерес к оккультизму, с помощью которого они пытаются решить свои проблемы, а в результате становятся жертвами мошенников и авантюристов, выдающих себя за ясновидящих и гадалок. Заплатив немалые суммы якобы за общение с умершими близкими либо за вмешательство в свою жизнь или жизнь других людей с целью добиться необходимого результата, граждане не только не получают желаемого, но и остаются без денег. Чаще всего жертвами становятся незащищенные слои граждан, такие как пенсионеры, а также люди, находящиеся в сложной жизненной ситуации.

С точки зрения психологии объяснить такой феномен веры в потустороннее и сверхъестественное довольно просто. Ведь когда у человека случается какая-либо экстремальная ситуация, чаще всего связанная со здоровьем, либо потеря близкого человека, люди готовы отдать любые деньги для выздоровления или хотя бы иллюзорной встречи с умершим. Воспользоваться такой ситуацией как раз и спешат так называемые маги и гадалки, а на самом деле – мошенники и в конечном итоге преступники. Истратив сбережения и не получив никакого результата, потерпевшие обращаются в правоохранительные органы, перед которыми стоит задача привлечь к ответственности виновных.

Понятие «оккультизм» (от лат. occultus – таинственный) используется как «общее обозначение мистических учений, утверждающих, будто существует особая, таинственная связь человека с так называемым потусторонним, не познаваемым при помощи разума миром»[1]. Наряду с этим термином зачастую применяются слова «эзотерический», «парапсихологический», «потусторонний», «сверхъестественный» и др.

Статья 50 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» упоминает оккультные услуги (услуги оккультно-магического характера), указывая, что они не относятся к народной медицине[2]. Однако само по себе это понятие в законе не раскрывается. В связи с тем, что отсутствует единый стандарт в предоставлении услуг оккультного и эзотерического характера, это приводит к тому, что данным видом деятельности начинают заниматься вовлеченные лица, отсутствие контроля приводит к росту мошенничества [1].

Ранее предпринималась попытка по ограничению информации о деятельности астрологов, экстрасенсов и гадалок. Однако законопроект № 432935-6, в котором предполагалось дать определение таким действиям, не был принят[3].

Деяния, о которых идет речь, содержат признаки мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ, которая квалифицирует мошенничество как «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Объектом преступления являются общественные отношения, связанные с собственностью, а также имуществом лица, которое является потерпевшим, или право на это имущество. В качестве предмета мошенничества могут выступать денежные средства, ценные бумаги, драгоценности, автомобили, недвижимое имущество, а также имущественные права и т. д.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» квалифицирует обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, который может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действи-

---

[1] Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ushakov.slovaronline.com/ (дата обращения: 11.11.2023).

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

[3] Законопроект № 432935-6 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/432935-6 (дата обращения: 05.12.2023).

тельности сведений[1]. Объективная сторона мошенничества в виде предоставления оккультных и магических услуг может выражаться в действиях, которые заведомо не могут принести гражданину желаемого результата, так как фактически являются обманом. Ведь невозможно встретиться с умершим человеком либо с помощью каких-то манипуляций или карт Таро изменить судьбу человека.

Смысл и содержание понятия «обман при предоставлении оккультных и магических услуг» раскрываются в апелляционном определении Новосибирского областного суда от 25 февраля 2019 г. по делу № 22-481/2019[2]. В нем говорится о том, что обманом как раз и является предоставление потерпевшему недостоверной информации, касающейся своих способностей, которые выходят за рамки понимания. При проведении различных ритуалов фиксируются случаи предоставления «чудодейственных» витаминов, препаратов, порошков, БАДов. Адвокаты преступников предпринимают попытки доказать, что дело носит гражданско-правовой характер и связано только с завышением цены, однако такие доводы чаще всего не принимаются в уголовном процессе.

Основные признаки субъекта мошенничества, связанного с оказанием услуг оккультного характера, соответствуют признакам субъекта иных видов мошенничества, ответственность за которые предусмотрена ст. 159 УК РФ. Поэтому субъектом мошенничества, связанного с оказанием услуг оккультного характера, является достигшее шестнадцатилетнего возраста вменяемое физическое лицо.

Иногда в качестве субъектов мошенничества в данных делах выступает группа лиц, некоторые из них выполняют функцию секретарей и администраторов, некоторые ведут каналы в интернете или на телевидении для привлечения клиентов, другая часть участников непосредственно заняты оказанием оккультных услуг. Реже встречаются одиночные правонарушители.

Криминологи обращают внимание на разнообразие типов корыстных преступников, их мотивов, а также самих корыстных преступлений. Наиболее опасным является так называемый злостный тип преступника. Чаще всего он сам создает ситуацию для совершения преступления [2, с. 149].

Для людей, занимающихся мошенничеством с использованием оккультизма, значение имеет создание атмосферы, в которой жертва могла бы довериться и отбросить все сомнения. Потерпевшее лицо рассчитывает на

---

[1] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Российская газета. 2017. № 280.

[2] Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 25.02.2019 по делу № 22–481/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=76210470 (дата обращения: 05.12.2023).

получение определенного эффекта, который предлагается правонарушителем в качестве цели получения предлагаемых услуг и который не наступает. При этом степень уверенности в получении желаемого результата может быть различной – от полной до наличия некоторых сомнений. Однако и в том и в другом случае имеет место преступление.

Мы согласны с мнением, высказанным в литературе, что на практике довольно часто встречаются случаи примирения потерпевшего и преступника в связи с согласием преступника возместить вред, что, в свою очередь, влечет и последующее прекращение уголовного дела [3].

Возможна ситуация, когда преступник находится за пределами помещения, в котором находится жертва. Речь идет об общении преступника с жертвой по интернету, телефону и т. д. Поэтому считаем, что место совершения преступного деяния можно определить как место нахождения потерпевшего лица, даже если преступник находится за пределами государства [4, с. 46].

Доктрина российского уголовного права разработала единый подход в отношении умышленного мошенничества, объединяющий различные ситуации и корыстные цели. В рамках этого подхода умысел всегда рассматривается как прямой, соответствующий конкретной корыстной цели. Некоторые исследователи обязательным признаком мошенничества называют корыстный мотив, подчеркивая, что корысть в хищениях не является целью преступления, а выступает его мотивом. В частности, З.Р. Салаев пишет, что «корысть, относясь к субъективной стороне состава преступления, выступает в качестве побуждения к зарождению умысла на хищение чужого имущества. Поэтому он ближе к мотиву совершения преступного деяния» [5, с. 60].

Мы не согласны с этим утверждением и полностью разделяем позицию, в соответствии с которой целью мошенничества является получение материальной выгоды. В случае, если правонарушитель не получает материальной выгоды от своих действий, он остается вне поля уголовных правоотношений, а это значит, что считать его подозреваемым в совершении уголовного преступления нельзя.

Специфическими чертами обладает и личность потерпевшего. Мы согласны с мнением, что «зачастую внушаемость, склонность к подчинению чужой воле и доверчивость сочетаются у них со стремлением добиться желаемого любой ценой, невзирая на любые препятствия, нежеланием принимать реальность и признавать собственные ошибки и заблуждения» [6, с. 79–82]. Несомненно, данная ситуация нуждается в дополнительном изучении и осмыслении.

Нередко затраты потерпевших на общение с предоставляющими оккультные услуги лицами составляют миллионы рублей, о чем свидетельствуют многочисленные публикации. Так, в пресс-службе Генпрокуратуры РФ сообщи-

ли, что организаторы и участники группы фальшивых экстрасенсов, от которых пострадали более 150 человек, были приговорены к условным срокам от 6 до 16 лет в колонии строгого режима за совершение мошенничества и участие в криминальной организации. Они были осуждены по ч. 4 ст. 159 УК РФ, ч. 1, 2 ст. 210 УК РФ (создание преступного сообщества и участие в нем)[1].

Можно утверждать, что доказать либо опровергнуть наличие каких-либо способностей за рамками привычных явлений действительности не представляется возможным. При этом в судебной практике сложился подход к пониманию оккультных услуг как априори мошеннических, так как невозможно оценить деятельность экстрасенсов и провести экспертизу их деятельности или используемых предметов.

В апелляционном определении Московского городского суда от 20 февраля 2018 г. по делу № 10-1909/2018 говорится, что «ключевое значение в ходе расследования таких дел имеют показания потерпевших и свидетелей, в рамках которых правоохранительным органам в первую очередь необходимо установить используемые потерпевшими каналы связи с оказывающими оккультные услуги злоумышленниками, средства получения информации о них. Кроме того, имеют значение нюансы взаимодействия, то есть где и когда происходил прием (сеансы услуг), когда и каким образом перечислялись денежные средства, какие вспомогательные предметы и атрибуты использовались при проведении сеансов»[2].

В ходе обысков правоохранительные органы изымают мобильные телефоны, литературу по общению с клиентами, гражданско-правовые договоры, опосредующие деятельность мошенников. Зачастую используются громкие названия несуществующих организаций, содержащие слова «международный», «центр», «парапсихология», «эзотерика» и др., которые нигде не зарегистрированы.

В работах исследователей данной проблемы указывается на необходимость установления основ для оказания услуг оккультного характера, что могло бы их закрепить в правовом поле и установить некие стандарты их качества [7]. Мы не согласны с данным предложением. Во-первых, деятельность организаций по оказанию оккультных и иных аналогичных услуг противоречит реальной действительности и современным достижениям науки. Во-вторых, на сегодняшний день нельзя быть уверенным в наличии исчер-

[1] Группа лже-экстрасенсов осуждена в Москве на сроки от шести лет условно до 16 лет колонии [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/russia/571058 (дата обращения 05.12.2023).

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 20.02.2018 по делу № 10-1909/2018) [Электронный ресурс]. URL: https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=76208907 (дата обращения: 05.12.2023).

пывающего перечня таких организаций, что оставит в зоне мошенничества оставшуюся их часть.

Авторы разделяют позицию многих исследователей рассматриваемой проблемы, утверждающих, что государству необходимо наконец определиться, является ли деятельность по оказанию оккультных и других аналогичных услуг легитимной или нет, разрешается или нет. В настоящее время в законодательстве не закреплено понятия оккультной деятельности, поэтому неопределенность в этом вопросе дает возможность существования этой деятельности в том или ином виде [8]. Этот тезис подтверждает и тот факт, что лица, занимающиеся оккультной деятельностью, зачастую выступают на телевидении и в радиопередачах, их приглашают на различные шоу, что создает у населения впечатления допустимости и даже одобрения подобной деятельности.

Мы не согласны с В.Р. Бабенковой в том, что необходимо установить стандарты оккультных услуг, что позволит вывести их в правовое поле [9], поскольку это противоречит самой сущности подобной деятельности, которая не поддается фиксации и научному описанию.

Ужесточение наказания по ст. 159 УК РФ также не позволит искоренить все случаи мошенничества. В этой связи представляется целесообразным возвратиться к вопросу об ограничении каналов, посредством которых предлагающие оккультные услуги лица привлекают население, либо установить дополнительные требования к рекламе такой деятельности. Также целесообразно повысить информированность населения, чтобы граждане могли критически оценивать возможности, заявленные экстрасенсами. Кроме того, стоит сделать медицинские и психологические услуги более доступными, чтобы не было необходимости обращаться к альтернативным вариантам.

Список источников

1. Мельников В.Ю. Некоторые вопросы уголовного права и процесса / В.Ю. Мельников, Б.Б. Джамалова, М.О. Саидов. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2020. – 330 с.

2. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. – Москва : Норма: Инфра-М, 2010. – 368 с.

3. Юнусов А.А. Мошенничество, связанное с оказанием оккультных услуг. Особенности практики / А.А. Юнусов // Уголовный процесс. – 2023. – № 1. – С. 56–63.

4. Нугаева Э.Д. Криминалистическая характеристика потерпевших от мошенничества, связанного с оказанием оккультных услуг, и особенности

тактики их допроса / Э.Д. Нугаева // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2023. – №. 1 (13). – С. 46–55.

5. Салаев З.Р. Мошенничество, связанное с оказанием услуг оккультного и психологического характера (уголовно-правовое и криминологическое исследование) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / З.Р. Салаев. – Москва, 2022. – 26 с.

6. Аистов И.А. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика мошенничества парапсихологического направления в сети Интернет / И.А. Аистов, Д.Н. Палагин // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2016. – № 4. – С. 79–82.

7. Салаев З.Р. Причины и условия мошенничества, связанного с оказанием услуг оккультного и психологического характера / З.Р. Салаев // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2019. – № 3 (51). – С. 43–49.

8. Фараджов А.З.О. Эзотерическая, оккультная деятельность как один из видов мошенничества и инструмент влияния деструктивных групп экстремисткой направленности / А.З. Фараджов // Актуальные вопросы публичного права : материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов / отв. ред. Д.В. Конев. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2018. – Вып. 17, ч. 1. – С. 282–287.

9. Бабенкова В.Р. Мошенничество, связанное с оказанием услуг оккультного и психологического характера / В.Р. Бабенкова // Уголовное право в эволюционирующем обществе : сборник научных статей научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Курск, 26 мая 2023 г. / отв. ред. Ю.А. Сидорова. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2023. – С. 21–26.

References

1. Melnikov V.Yu, Jamalova B.B., Saidov M.O. Some Issues of Criminal Law and Procedure. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya Publ., 2020. 330 p.

2. Antonyan Yu.M., Eminov V.E. The Criminal Personality. Criminological and Psychological Research. Moscow, Norma: Infra-M Publ., 2010. 368 p.

3. Yunusov A.A. Fraud Related to the Provision of Occult Services. Features of Practice. *Ugolovnyj process = Criminal Procedure,* 2023, no. 1, pp. 56–63. (In Russian).

4. Nugaeva E.D. Criminalistic Characteristics of Victims of Fraud Associated with the Provision of Occult Services and Features of the Tactics of Their Interrogation. *Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva = Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective,* 2023, no. 1 (13), pp. 46–55. (In Russian).

5. Salaev Z.R. Fraud Related to the Services of Occult and Psychological Nature (Criminal and Criminological Research). *Cand. Diss.* Moscow, 2022. 26 p.

6. Aistov I.A., Palagin D.N. The Criminal and Legal and Criminalistic Characteristic of Fraud of the Parapsychological Direction in the Internet. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki = Fundamental and Applied Researches of the Cooperative Sector of the Economy,* 2016, no. 4, pp. 79–82. (In Russian).

7. Salaev Z.R. The Causes and Conditions of Fraud Related to the Provision of Services of an Occult and Psychological Nature. *Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia,* 2019, no. 3 (51), pp. 43–49. (In Russian).

8. Faradzhov A.Z.O. Esoteric, Occult Activity as One of the Types of Fraud, and the Tool of Influence of Destructive Groups of Extremist Orientation. In Konev D.V. (ed.). Current Issues of Public Law. Materials of the XVII All-Russian Scientific Conference of Young Scientists and Students. Ural State Law University Publ., 2018, iss. 17, pt. 1, pp. 282–287. (In Russian).

9. Babenkova V.R. Fraud Related to the Services of an Occult and Psychological Nature. In Sidorov Yu.A. (ed.). Criminal Law in an Evolving Society. Collection of Scientific Articles of the Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students, Kursk, May 26, 2023. Southwestern State University Publ., 2023, pp. 21–26. (In Russian).

Информация об авторах

Середа Елена Васильевна –
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса;

Шивалов Илья Сергеевич –
аспирант кафедры уголовного права и процесса

Information about the Authors

Sereda Elena Vasilyevna –
Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure;

Shivalov Ilya Sergeevich –
Postgraduate Student of the Chair of Criminal Law and Procedure

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 29.01.2024.
The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 29.01.2024.

Научная статья
УДК 343.632
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.9

Тулупова Елена Олеговна[1, 2], Демидова Татьяна Константиновна[1, 3], Баранова Екатерина Сергеевна[1, 4]
[1]Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
[2]lena118@yandex.ru.
[3]dtatyana12@yandex.ru
[4]ekaterina.sergeevna76@mail.ru

КИБЕРАГРЕССИЯ – СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ДИСКРИМИНАЦИИ И НАСИЛИЯ

Аннотация. Глобальная цифровизация – это не только точка экономического, культурного и социального роста, но и головная боль правоприменителей и законодателей любой страны. Новое благо позволяет активно развиваться и сотрудничать и в то же время совершать огромное количество преступлений при помощи цифровых технологий. Одной из актуальных на сегодняшний день проблем является киберагрессия (кибербуллинг) – «детище» научно-технического прогресса, масштабы которого растут не только в количественных показателях, но и в изощренности его проявления, охватах территории и численности «зрителей». Новый вид преступлений, с которым столкнулись все развитые страны, – это настоящая современная пытка, форма насилия и дискриминации. Ее часто неправильно понимают и не воспринимают так серьезно, как следовало бы. Киберагрессия может начаться в интернете и закончиться за его пределами, иметь разрушительные последствия для жертв и их семей.

Ключевые слова: кибербуллинг, киберагрессия, буллинг, издевательства, унижение, интернет, цифровизация, насилие, травля

Для цитирования: Тулупова Е.О. Киберагрессия – современная форма дискриминации и насилия / Е.О. Тулупова, Т.К. Демидова, Е.С. Баранова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.9 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 94–104.

© Тулупова Е.О., Демидова Т.К., Баранова Е.С., 2024

Original article
Tulupova Elena Olegovna[1, 2], Demidova Tatyana Konstantinovna[1, 3], Baranova Ekaterina Sergeevna[1, 4]
[1]Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia
[2]lena118@yandex.ru.
[3]dtatyana12@yandex.ru
[4]ekaterina.sergeevna76@mail.ru

CYBERAGGRESSION AS A MODERN FORM OF DISCRIMINATION AND VIOLENCE

Abstract. Global digitalisation is not only a point of economic, cultural and social growth, but is also the headache of any country's law-enforcers and law-makers. The new benefit allows us to develop and cooperate actively and at the same time to commit a huge number of crimes with the help of digital technologies. One of the urgent problems today is cyberaggression (cyberbullying) – the «brainchild» of scientific and technological progress, the scale of which is growing not only in quantitative terms, but also in the sophistication of its realisation, the coverage of the territory and the number of «spectators». A new type of crime faced by all developed countries is real modern torture, a form of violence and discrimination. It is often misunderstood and not taken as serious as it should be. It can start on the Internet and end beyond, with devastating consequences for victims and their families.

Keywords: cyberbullying, cyberaggression, bullying, humiliation, internet, digitalisation, violence, harassment

For citation: Tulupova E.O., Demidova T.K., Baranova E.S. Cyberaggression as a Modern Form of Discrimination and Violence. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2024, no. 1, pp. 95–104. (In Russian). DOI 10.33184/vestlaw-bsu-2024.21.9.

Одной из актуальных на сегодняшний день проблем является киберагрессия – «детище» научно-технического прогресса, масштабы которого растут не только в количественных показателях, но и в изощренности его проявления (унижение, социальная изоляция, нанесение ущерба репутации, принуждение, шантаж, угрозы и т. д. Раньше проявление буллинга (травли) в основном относилось к подростковой сфере. Физические и психические издевательства над более слабыми и необычными (другими) среди детей существовали всегда. Периодически предпринимались попытки борьбы с ними: разговоры, родительские собрания, письма в различные инстанции

и т. д. Сейчас, с появлением технических возможностей, унижение человеческого достоинства не только вышло на новый уровень, но и расширило возрастные рамки. Интернет не только позволил бесконтрольно и бестактно круглосуточно врываться в личную жизнь других людей, делиться видео и аудио с частными подробностями жизни, писать тексты с запугиванием или просто содержащие унизительного характера информацию, но и делать это на максимально широкую аудиторию.

Насколько многообразно рассматриваемое явление, может продемонстрировать следующая классификация. Так, элементами или типами киберагрессии некоторые современные авторы называют флейминг (спор с взаимными оскорблениями), троллинг (распространение провокативной информации, вызывающей на конфликт), фрейпинг (получение доступа к аккаунту жертвы и распространение с него материалов без ее согласия)[1], кетфишинг (создание аккаунта-близнеца жертвы и распространение с него различных материалов), хейтинг (враждебная деятельность, направленная на оскорбление, унижение), кибersталкинг (навязчивое преследование жертвы звонками, смс), секстинг (переписка интимного характера), доксинг (раскрытие личных данных жертвы: адрес, дата рождения и т. п.), бойкот (игнорирование жертвы в социальных сетях), кибербуллинг (травля), кибергруминг (приставание или вхождение в доверие взрослого к ребенку в целях использования его в дальнейшем для сексуального удовлетворения) и т. д. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

В любом случае проявление киберагресии, в какой бы форме она ни выражалась, связано с применением информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), с непредсказуемым и неожиданно совершаемым агрессивным действием при изолированности свидетелей друг от друга и от жертвы, со стимулированием механизма инверсии в ролевой структуре и неравенством сил в онлайн-пространстве, намеренным причинением вреда жертве[2] [8].

Анализ статистических данных в разных странах позволяет сделать вывод, что проблема затрагивает практически одни и те же социальные группы. Например, исследования показывают, что киберагрессия в Германии усиливается при переходе из средней школы и становится все более распространенной в подростковом возрасте от 13 до 15 лет. То есть в детстве и раннем

---

[1] Кибербуллинг в 2023 году: это важно знать [Электронный ресурс]. URL: https://hi-tech.mail.ru/review/103998-kiberbulling-ehto-vazhno-znat/?ysclid=ls5yzcgkv8653079679 (дата обращения: 01.02. 2024).

[2] Кибербуллинг и законодательство: профилактика и ответственность [Электронный ресурс]. URL: https://solution360.cc/blog/kiberbulling-i-zakonodatelstvo-profilaktika-i-otvetstvennost/?ysclid=lthc14wm5d271691233 (дата обращения: 01.02.2024).

подростковом возрасте она встречается реже. В целом большая часть случаев киберагрессии достигает пика в период полового созревания, а затем постепенно снижается[1]. Четкая тенденция к тому, будут ли мальчики или девочки чаще в ней участвовать, до сих пор точно не определена[2]. При этом чаще, чем мальчики, девочки сталкиваются с издевательствами на сексуальной почве.

В России возрастные пики агрессивного поведения фиксируются в 14–19 и 25–35 лет. Максимальный пик приходится на 14 лет. С одной стороны, эксперты связывают это с тем, что многие сайты разрешают регистрацию пользователей только с этого возраста [9]. С другой стороны, к старшему подростковому возрасту ученики достигают такого уровня нравственного развития, при котором демонстрация власти и завоевание авторитета за счет издевательств над более слабыми становится менее приемлемой. К тому же для подавляющего большинства старшая школа – время подготовки к поступлению в вузы, поэтому для любых форм взаимодействия со сверстниками остается меньше времени.

Около 55 % опрошенных заявили, что сталкивались с киберагрессией. При этом чаще всего респонденты (84 %) имели дело с троллингом, то есть с грубостью, оскорблениями в свой адрес[3].

Почти половина американских подростков в возрасте от 13 до 17 лет (46 %) сообщают, что когда-либо сталкивались хотя бы с одним из шести видов киберагрессии, о которых спрашивали в опросе Pew Research Center, проведенном в 2022 г.[4] 28 % подростков сталкивались с несколькими видами киберагрессии.

Основная проблема в борьбе с киберагрессией заключается в том, что данное понятие пока не имеет четкого законодательного закрепления, а потому можно встретить применение различной терминологии и толкований. И хотя об этом явлении говорят уже не первый десяток лет, ни одно государство не имеет отлаженного эффективного механизма борьбы с ним.

---

[1] Vom mobbing zum (cybber) mobbing [Электронный ресурс]. URL: /https://www.klicksafe.de/fileadmin/cms/download/Sonstiges/Themen/Cybermobbing/Kapitel2_Vom_Mobbing_zum_CyberMobbing.pdf (дата обращения: 01.02. 2024).

[2] Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом [Электронный ресурс]. URL: https://psy.su/feed/10376/?ysclid=ltq0tkjepu72730733 (дата обращения: 02.02. 2024).

[3] Исследование проведено среди 1100 подростков в возрасте 11–16 лет, проживающих в городах-миллионниках России [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/11242357?ysclid=ltq0kzb7ol979474804 (дата обращения: 2.02.2024).

[4] Teens and Cyberbullying 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www. pewresearch.org/internet/2022/12/15/teens-and-cyberbullying-2022/ (дата обращения: 02.02.2024).

Первые попытки осмысления киберпреступлений были положены в основу Будапештской конвенции от 23 ноября 2001 г.[1] Документ хоть и не содержит положений о киберагрессии, но считается пионером среди международных договоров о преступлениях, совершенных через интернет и другие компьютерные сети, и касается, в частности, нарушений авторских прав, компьютерных мошенничеств, детской порнографии и нарушений безопасности в Сети. Статья 9 Будапештской конвенции «Правонарушения, связанные с детской порнографией» закрепляет положения о производстве, распространении, хранении и т. д. детской порнографии, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных. Также ст. 2 и 3 закрепляют в качестве составов преступлений «неправомерный доступ» и «неправомерный перехват компьютерных данных».

Конвенция Африканского союза о кибербезопасности и защите личных данных (2014) и Конвенция Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в области информационных технологий (2010), принятые намного позже, также не содержат понятия киберагрессии.

Термин «цифровое насилие» впервые был использован в рекомендации Группы экспертов Совета Европы по борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (ГРЕВИО) от 20 октября 2021 г., посвященной цифровому измерению насилия в отношении женщин и домашнего насилия[2]. В ней речь идет о том, что насилие в отношении женщин и насилие в домашних условиях, особенно психологическое, также могут проявляться через цифровые каналы связи. Этот принцип лежит в основе широкого понимания концепции ГРЕВИО и объясняет многочисленные акты, совершенные через интернет, как формы насилия в отношении женщин. Тем не менее ГРЕВИО не называет киберагрессию преступлением. Документ, в котором дается лишь очень широкое понимание этого термина, согласно рекомендации экспертов стремится внести свой вклад в решение проблемы, четко определив, что проявления насилия в отношении женщин и девочек в цифровом мире – это выражение гендерного насилия. Рекомендация распространяет свое толкование на положения Стамбульской конвенции, которая содержит руководящие принципы в отношении уголовных законов, направленные, согласно ст. 1, на защиту женщин от всех форм насилия, преду-

[1] Конвенция о компьютерных преступлениях. Будапешт, 23 ноября 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/ru/web/impact-convention-human-rights/convention-on-cybercrime#/ (дата обращения: 03.02.2024).

[2] GREVIO General Recommendation No. 1 on the digital dimension of violence against womenadopted on 20 October 2021 [Электронный ресурс]. URL: https:// media.business-humanrights.org/media/documents/PREMS_128621_GBR_2574_ Rec_1_GREVIO_ WEB_ 16x24_FINAL_VERSION_2776-2127-1557.1.pdf (дата обращения: 03.02.2024).

преждение, преследование и искоренение насилия в отношении женщин и домашнего насилия. Эксперты тем самым ставят перед собой цель – предложить нынешним и будущим государствам-участникам новое толкование Стамбульской конвенции, демонстрирующее полезность этого инструмента в борьбе с цифровым насилием.

На фоне развития европейских положений о цифровом насилии параллельно идет работа в рамках Специального межправительственного комитета ООН по разработке международной конвенции по противодействию использования ИКТ в преступных целях. Процесс был инициирован Российской Федерацией при участии 46 стран и поддержке 87 государств. И хотя в первоначальном (доступном для ознакомления) проекте документа тоже нет понятия «киберагрессия», некоторые его пункты заслуживают внимания и поддержки. Итоговый текст конвенции комитет должен представить Генассамблее ООН в ходе ее 78-й сессии (в 2024 г.).

Каждое государство по-своему пытается бороться с киберагрессией. Есть страны, которые уже закрепили в своем законодательстве подобное понятие и активно привлекают к ответственности нарушителей, а есть такие, которые регулируют отношения при помощи уже имеющихся статей преимущественно уголовного характера.

Например, в ряде штатов США было принято законодательство, предусматривающее наказание за буллинг. Есть штаты, законы которых направлены на борьбу с кибербуллингом. Так, согласно Центру исследования кибербуллинга в США в 44 штатах из 50 существует уголовная ответственность за домогательство в интернете [10]. В 45 штатах школам разрешается наказывать учеников за кибербуллинг[1]. Также власти делают упор на профилактику, вводя в школьную программу дискуссии об «ответственном использовании интернета» и уместных способах коммуникации в Сети.

В 2018 г. депутат из США Ф. Бернс предложил штрафовать школьников за кибербуллинг. Размер штрафа – $500. В первый раз, когда ребенок травит кого-либо, школа обязана сообщить его родителям, как она справилась с ситуацией, а родителям придется прослушать курс по травле, во второй раз – посетить конференцию по разрешению травли. В третий раз родители получат иск в суд и заплатят штраф. Штраф – единственный эффективный метод, который может прекратить буллинг в школах США[2].

---

[1] Служба контроля кибербуллинга в США : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://cyberbullying.org/bullying-laws (дата обращения: 04.03.2024).

[2] В США Депутат от Пенсильвании Фрэнк Бернс предлагает штрафовать родителей на 500 долларов за травлю ребенка [Электронный ресурс]. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.898c5c4f-65f5b189-abaae49d-74722d776562/ (дата обращения: 04.03.2024).

В мае 2011 г. министр образования Франции при поддержке Facebook* постановила: дети, которые устраивают интернет-травлю среди ровесников, должны быть идентифицированы и освобождены от занятий или исключены из школы. Учителя обязаны вести учет контента блогов.

Уголовный кодекс Австрии в § 107c закрепляет в качестве состава преступления постоянные домогательства, связанные с ИКТ. Согласно этой статье действия любого лица, которое необоснованно вмешивается в жизнь другого, непрерывно в течение длительного времени порочит честь другого, и это происходит на глазах большого количеств людей, или делает достоянием общественности факты или видеоматериалы о личной жизни другого лица без согласия на то последнего, наказываются на срок до года или штрафом. Если это привело к самоубийству или попытке самоубийства – лишением свободы на срок до 3 лет[1]. § 208a закрепляет, что любое лицо, которое посредством ИКТ, введя в заблуждение относительно своей цели, предлагает встречу или соглашается на нее с несовершеннолетним с целью совершения преступления против половой неприкосновенности ребенка, наказывается лишением свободы на срок до 2 лет.

В Германии, где особое значение в деятельности всего государственного механизма отводится обеспечению уважения человеческого достоинства [11], власти в попытке взять ситуацию под свой контроль в 2017 г. приняли один из самых жестких законов об интернет-травле – Netzwerkdurchsetzungsgesetz (NetzDG), согласно которому представители соцсетей обязаны удалить любой контент, связанный с развязыванием ненависти, в течение 24 часов с момента получения жалобы, в противном случае они будут оштрафованы на 50 млн евро[2]. Однако сейчас, осмысливая эффективность этой меры, законодатели приходят к выводу о необходимости ее корректировки.

На Филиппинах Закон о предупреждении киберпреступности от 2012 г. № 10175 (RA10175) содержит отдельное положение, классифицирующее преступления, предусмотренные в Уголовном кодексе и специальных законах, которые, если они совершаются с использованием ИКТ, считаются ки-

---

* Запрещен в России; принадлежит корпорации Meta, которая признана в Российской Федерации экстремистской.

[1] Initiatives, policies, strategies [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/en/web/cyberviolence/austria#:~:text=Criminal%20Code%3A%20Persistent%20harassment%20involving,sphere%20of%20another%20available%20to; Austria (дата обращения: 04.02.2024).

[2] Правительство Германии проигрывает кибербуллингу [Электронный ресурс]. URL: https://habr.com/ru/news/579986/(дата обращения: 04.02.2024).

берпреступлениями и влекут за собой наказания, размер которых выше размеров наказания, предусмотренных Уголовным кодексом[1].

Относительно недавно в Италии был принят специальный закон по борьбе с кибербуллингом. Он определил под кибербуллингом любую форму давления, агрессии, домогательства, шантажа, оскорбления, клеветы, диффамации, кражи личных данных, изменения, манипуляции, приобретения или незаконной обработки персональных данных, осуществляемую в электронном виде в ущерб несовершеннолетним. Также считается издевательством распространение онлайн-контента (в том числе связанного с членом семьи), который может оскорбить ребенка и привести к его изоляции в обществе. Согласно новым правилам ребенок (который уже достиг 14-летнего возраста, в противном случае – родитель), ставший жертвой кибербуллинга, может попросить веб-сайт или оператора социальных сетей, или контроллера данных скрыть, удалить или заблокировать оскорбительный контент о нем. Сайт должен предоставить информацию в течение 48 часов[2].

Государственная Дума РФ сейчас активно работает над законопроектом, направленным на защиту детей от травли в школах. Его могут рассмотреть уже весной 2024 г. Документ предполагает введение административной ответственности и штрафов для родителей, дети которых занимаются буллингом, а также закрепить само понятие травли.

В феврале 2024 г. Государственное Собрание Республики Башкортостан Законом Республики Башкортостан № 79-з «О внесении изменений в статью 11 Закона Республики Башкортостан "Об Уполномоченном по правам ребенка в Республике Башкортостан"» наделило детского омбудсмена новыми полномочиями. Теперь он может проводить парламентское расследование по фактам буллинга, инициируя его самостоятельно. В частности, законом установлено, что Уполномоченный «по инициативе родителей (законных представителей) детей участвует в переговорах конфликтующих сторон в целях обеспечения защиты прав и интересов детей и разрешения конфликтов, выражающихся в социальной изоляции, отказе от общения, угрозах, обращении с использованием оскорбительных прозвищ … в том числе с использованием ИКТ … и вправе обращаться в Государственное Собрание с предложениями о проведении парламентских расследований или парламентских слушаний по фактам нарушения прав и законных интересов детей».

---

[1] Преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных или систем [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-2/key-issues/offences-against-the-confidentiality--integrity-and-availability-of-computer-data-and-systems.html (дата обращения: 04.02.2024).

[2] Cyberbullismo, ecco cosa prevede la nuova legge. URL: https://www. start-mag.it/lifestyle/cyberbullismo-cosa-prevede-la-nuova-legge/ (дата обращения: 1.03.2024).

Список источников

1. Блинова Д.Н. Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике / Д.Н. Блинова, О.Д. Гурина // Психология и право. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 150–160.

2. Бабук А.В. Флейминг как инструмент разжигания речевого конфликта в интернет-дискурсе / А.В. Бабук // Российский девиантологический журнал. – 2022. – Т. 2, № 1. – С. 85–92.

3. Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации / Т.А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2016. – Т. 26, № 2. – С. 109–116.

4. Бочавер А.А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 3. – С. 177.

5. Дозорцева Е.Г. Проявления отклоняющегося онлайн-поведения и его диагностика / Е.Г. Дозорцева, Д.В. Кирюхина // Отклоняющееся онлайн-поведение подростков и молодых взрослых в социальных сетях : учебное пособие / под ред. Н.В. Дворянчикова, О.В. Рубцовой. – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – С. 77–93.

6. Тимошкина В.А. Киберсталкинг: современное состояние и меры противодействия на досудебных стадиях уголовного процесса / В.А. Тимошкина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 26–30.

7. Секераж Т.Н. О терминах и понятиях, отражающих явления интернет-коммуникации по делам о нарушении половой неприкосновенности несовершеннолетних / Т.Н. Секераж // Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 130–136.

8. Солдатова Г.У. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, С.В. Чигарькова // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 2 (38). – С. 3–20.

9. Андреева А.О. Манипулирование в сети Интернет / А.О. Андреева // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи. – Магнитогорск, 2015. – С. 21–28.

10. Короленко Ц.П. К вопросу о влиянии Интернета на суицидальное поведение / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Л.В. Левина // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2014. – Т. 22, № 2. – С. 103–107.

11. Демидова Т.К. Закрепление права на уважение человеческого достоинства в Основном законе Германии / Т.К. Демидова, Е.О. Тулупова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2019. – № 2 (4). – С. 15–19.

References

1. Blinova D.N., Gurina O.D. Cyberaggression and Cyberbullying in Forensic Practice. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law,* 2023, vol. 13, no. 3, pp. 150–160. (In Russian).

2. Babuk A.V. Flaming as a Speech Conflict Inciting Tool in Internet-Discourse. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal = Russian Journal of Deviant Behavior,* 2022, vol. 2, no. 1, pp. 85–92. (In Russian).

3. Vorontsova T.A. Trolling and Flaming: Speech Aggression in the Internet Communication. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series,* 2016, vol. 26, no. 2, pp. 109–116. (In Russian).

4. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Cyberbullying: Harassment in the Space of Modern Technologies. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics,* 2014, vol. 11, no. 3, pp. 177. (In Russian).

5. Dozortseva E.G., Kiryukhina D.V. Manifestations of Deviant Online Behaviour and Its Diagnosis. In Dvoryanchikova N.V., Rubtsova O.V. (eds.). Deviant Online Behaviour of Adolescents and Young Adults on Social Networks. Moscow State Psychological and Pedagogical University Publ., 2022. 100 p.

6. Timoshkina V.A. Cyberstalking: the Current State and Counteraction Measures at the Pre-Trial Stages of the Criminal Process. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,* 2023, no. 1, pp. 26–30. (In Russian).

7. Sekerazh T.N. On the Terms and Concepts Reflecting the Phenomena of Internet Communication on the Cases of Violation of Minors' Sexual Integrity. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science,* 2022, vol. 17, no. 1, pp. 130–136. (In Russian).

8. Soldatova G.Ur., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V Types of Cyberaggression: Adolescents and Youth Experience. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal = National Psychological Journal,* 2020, no. 2 (38), pp. 3–20. (In Russian).

9. Andreeva A.O. Manipulation on the Internet. *Information Security and Issues of Preventing Cyber Extremism among Youth.* Magnitogorsk, 2015, pp. 21–28. (In Russian).

10. Korolenko T.P., Dmitrieva N.V., Levina L.V. On the Question of the Influence of the Internet on Suicidal Behaviour. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psihologii i social'noj raboty = Scientific notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,* 2014, vol. 22, no. 2, pp. 103–107. (In Russian).

11. Demidova T.K., Tulupova E.O. Adoption of the Right to Human Dignity in the Basic Law of Germany. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2019, no. 2 (4), pp. 15–19. (In Russian).

Информация об авторах

Тулупова Елена Олеговна *– кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права;*

Демидова Татьяна Константиновна *– кандидат политических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Института права;*

Баранова Екатерина Сергеевна *– кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права*

Information about the Authors

Tulupova Elena Olegovna *– Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law*

Demidova Tatyana Konstantinovna *– Candidate of Sciences (Politics), Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law, Institute of Law*

Baranova Ekaterina Sergeevna *– Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 10.02.2024; одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 11.03.2024.
The article was submitted 10.02.2024; approved after reviewing 11.03.2024; accepted for publication 11.03.2024.

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Научная статья
УДК 343.98
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.10

Аминев Фарит Гизарович[1, 2], Чемерис Алексей Викторович[1, 3]
[1]Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
[2]faminev@mail.ru
[3] Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Уфа, Россия, chemeris@anrb.ru

О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕУСТАНОВЛЕННОГО ПРЕСТУПНИКА

Аннотация. В статье показано, что в условиях отсутствия сведений о лице, совершившем преступление, решающее значение в выявлении этого лица приобретает криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника. Рассмотрены возможности использования специальных знаний анатомии человека, антропологии, морфологии, в частности соматологии, физиологии, неврологии и других наук, в составлении интегрированной криминалистической модели личности неустановленного преступника. Особое внимание уделено существующим методам и перспективам развития ДНК-фенотипирования (система технологических действий по исследованию генома человека в целях установления внешних и внутренних свойств организма: цвета глаз и волос, пигментации кожи, роста и т. д.).

Ключевые слова: криминалистическое моделирование, ДНК-фенотипирование, проектная документация, следы биологического происхождения, личность неустановленного преступника

© Аминев Ф.Г., Чемерис А.В., 2024

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00834.

Для цитирования: Аминев Ф.Г. О некоторых современных возможностях криминалистического моделирования личности неустановленного преступника / Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.10 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 105–113.

Original article

Aminev Farit Gizarovich[1, 2], Chemeris Alexey Viktorovich[1, 3]
[1]Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
[2]faminev@mail.ru
[3]Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, chemeris@anrb.ru

ON MODERN FORENSIC PERSONALITY MODELING OF AN UNIDENTIFIED OFFENDER

Abstract. The article shows that in the absence of information about the person who committed a crime, the forensic personality modeling of an unidentified offender becomes crucial in the identification of this person. The possibilities of using special knowledge of human anatomy, anthropology, morphology, in particular dentistry, physiology, neurology and other sciences in compiling an integrated forensic personality model of an unidentified criminal are considered. The special attention to existing methods and prospects for the development of DNA phenotyping (a system of technological actions for studying the human genome in order to establish the external and internal properties of the body: eye and hair colour, skin pigmentation, height, etc.) is paid.

Keywords: forensic modeling, DNA phenotyping, project documents, traces of biological origin, personality of an unidentified criminal

For citation: Aminev F.G., Chemeris A.V. On Modern Forensic Personality Modeling of an Unidentified Offender. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2024, no. 1, pp. 105–113. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.10.

Криминогенная обстановка в стране продолжает оставаться сложной. В 2023 г. из зарегистрированных 1 947 161 преступления были раскрыты

997 689, или 51,2 %[1] [1], то есть по 949 472 (48,8 % от общего числа зарегистрированных) преступлениям виновные не были установлены. В сложившихся условиях ощущается острая необходимость мобилизации всех имеющихся возможностей по повышению уровня организационно-правового, научно-методического, финансового, технико-криминалистического обеспечения процесса установления и задержания лиц, совершивших преступления в условиях неочевидности. По нашему мнению, особое внимание следует уделить криминалистическому моделированию личности неустановленного преступника с использованием достижений естественных, технических и иных наук. При этом предлагаем термин «личность» в его достаточно широких общеупотребительных значениях – «совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность» и «человек – носитель каких-нибудь свойств» – считать наиболее оптимальными (в силу их емкости) для обозначения человека (в том числе человека, личность которого на данный момент не установлена) как объекта криминалистического моделирования.

Принято считать, что «криминалистическое моделирование неустановленного преступника – это деятельность по составлению криминалистического портрета неустановленного преступника, которая заключается в анализе общественно опасного деяния и информации о личности неустановленного преступника, отраженной в окружающей среде; осуществляется с использованием знаний в области криминалистики, криминологии, социологии, психологии, других наук» [1, с. 132]. Соответственно, составление криминалистического портрета (модели) личности неустановленного преступника (при максимальном приближении его комплекса характеристик (свойств) к комплексу характеристик (свойств) искомой личности – субъекту преступного события) позволит облегчить установление, поиск и задержание преступника.

В настоящее время для криминалистического моделирования могут быть использованы широко внедряемые в экспертно-криминалистическую деятельность высокотехнологичные средства, методы и методики экспертного исследования: 3D-моделирование для фиксации и исследования мест происшествий, компьютерные системы анализа почерка с применением искусственного интеллекта, нейронные сети – в формировании справочно-информационных фондов и информационно-поисковых систем и т. д. От того, какие научно-технические средства и методы, насколько квалифицированно будут использоваться, будет зависеть объем криминалистического изучения личности, то есть совокупность и глубина исследования сведений о личности. Соот-

[1] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/ (дата обращения: 22.02.2024).

ветственно, от этого будет зависеть полнота сведений для создания информационной интегральной модели искомой личности преступника.

Как известно, в расследовании совершенного преступления особым предметом криминалистического исследования являются проявления его действий в ходе преступного события в виде следов преступления, в которых отображаются «общефизические и частные признаки (пол, возраст, антропологическая принадлежность, внешность, состояние здоровья и др.), психофизические свойства (характер, темперамент и т. п.), способности или навыки (профессиональные, бытовые, спортивные и т. п.), социальные (образование и др.), специальные преступные навыки, формы, виды, особенности деятельности, поведения» [2, с. 42] и т. п. В составлении интегрированной криминалистической модели личности неустановленного преступника используются специальные знания анатомии человека, антропологии, морфологии, в частности соматологии, физиологии, неврологии и других наук. Так, исследованием следов рук можно установить психофизиологические и физические свойства человека, оставившего след. В этой области много и плодотворно работают ученые-криминалисты: Т.Ф. Абрамова [3], Т.М. Никитина [4], П.С. Самищенко [5], О.А. Соколова [6], Л.Г. Эджубов [7], Д. Хэлл [8] и др.

Как известно, эмбриональное развитие структур дермальной кожи у человека начинается с 6 недели внутриутробного развития и завершается на 17 неделе. Корреляция папиллярных узоров и коры головного мозга обусловлена тем, что они сначала заложены в одном зародышевом листке. Поэтому в случае обнаружения следов рук с большим количеством папиллярных узоров дугового типа можно с большой вероятностью предположить, что человек, оставивший данные следы, не вынослив, у него низка скорость и сила, он прямолинейный. Установлено, что у лиц, имеющих большое количество межпапиллярных линий, отмечается способность к длительной «мелкой» работе и т. д.

По следам кожного покрова головы человека можно установить пол, возраст, рост, телосложение и анатомические особенности. Эти исследования основываются на данных антропологии и антропометрии.

По следам обуви можно диагностировать свойства человека, оставившего следы. Так, у хромого длина шага больной ноги всегда заметно короче, чем здоровой; у переутомленного, больного или раненого элементы дорожки следов существенно варьируют, так как ему трудно выдерживать одинаковый ритм движения. О наличии плоскостопия можно судить по усиленному износу внутренней стороны подошвы; длина шага женщин на 5–10 см короче шага мужчин и т. д.

Предварительным исследованием следов зубов можно установить предположительный пол преступника (как правило, у мужчин ширина ото-

бразившихся в следах верхних средних резцов и клыков одинакова, тогда как у женщин верхние клыки у́же, чем верхние средние резцы); при определении возраста учитывается степень стертости зубов, размерные характеристики зубов и зубных рядов, их патологические изменения.

Специалистами-почерковедами устанавливаются некоторые черты характера: «плавная кривая производит впечатление мягкости, душевности, достоинства, в то время как прямая олицетворяет твердость характера, волю, мужество, рационализм и т. д.» [9, с. 57].

Исследованием признаков письменной речи, почерка можно определить национальную принадлежность человека, психические заболевания, физиологическое состояние, пол, возраст и т. д. Если обнаружено множество капель крови, образующих дорожки, то по ним можно установить «не только направление движения раненого человека, но и темп (скорость) его движения, а также места замедления или остановки и иные обстоятельства» [10, с. 289].

Вышеописанные возможности в составлении криминалистической модели личности неустановленного преступника уже применяются. Однако предстоит еще много работы, причем системной интеграционной работы с использованием современных цифровых технологий, включая искусственный интеллект на базе нейронных сетей.

Так, криминалистам в деле исследования и установления комплекса характеристик (свойств) неустановленного преступника по оставленным следам необходимо использовать современные возможности исследования ДНК-профилей людей, содержащихся в следах биологического происхождения (в крови, поту, сперме, слюне, потожировых следах папиллярных узоров и др.), – ДНК-фенотипирование (система технологических действий по исследованию генома человека в целях установления внешних и внутренних свойств организма: цвет глаз и волос, пигментация кожи и т. д.).

Как известно, внешние фенотипические признаки индивида (пигментация кожи, цвет глаз, цвет волос и их структура, облик человека в виде особенностей лица, рост и некоторые другие характеристики) зависят от его генотипа. Также исследованием ДНК устанавливается пол человека, оставившего следы биологического происхождения. Вместе с тем следует отметить, что если точность установления пигментации кожи, цвета глаз, волос и их структуры по генотипу человека близка к стопроцентной вероятности, то несколько сложнее моделирование внешнего облика человека. И это связано в первую очередь с тем, что морфологические признаки лицевой части внешнего облика человека кодируются множеством генов и пока еще не выяснено, какими именно. В этом направлении ДНК-фенотипирования еще предстоит проведение научных исследований.

Использование ДНК-фенотипирования стало возможным благодаря накоплению знаний о геномах и экзомах большого числа людей разной этнической принадлежности. Полагаем, что ДНК-фенотипирование является некоей предтечей неизбежной в будущем всеобщей ДНК-регистрации населения [11], и в условиях отсутствия таковой восстановление ДНК-портрета преступника либо его жертвы способно серьезно помочь следствию, тем более в условиях отсутствия других источников криминалистически значимой информации. Заметим, что когда будет осуществлена всеобщая ДНК-регистрация, при обнаружении следов биологического происхождения можно будет по геномной базе данных сразу установить человека, который оставил эти следы, и исследования фенотипических признаков станут тогда неактуальными. Однако ввиду того, что ДНК-регистрация всего населения произойдет еще не скоро, для установления личности преступников и расследования преступлений весьма важно знать, каков внешний облик лиц, их совершивших, и их жертв (в ситуациях, если эти лица не могут быть опознаны визуально вследствие полученных увечий, деформаций или уничтожения кожного покрова лица).

В то же время надо признать, что на внешность человека могут очень сильно воздействовать факторы окружающей среды, образ жизни конкретного человека. К тому же человек может сделать пластическую операцию, не говоря уже об изменении цвета волос, включая их естественное поседение, облысение, окрашивание.

Давно известно, что участки молекул ДНК, названные снипами (SNP-локусы[1]), в той или иной степени отвечают за фенотипические проявления генотипа и могут использоваться в криминалистических целях для получения информации о некоторых внешних особенностях человека в виде пигментации кожи, волос, радужной оболочки глаз, лица человека, его роста, а также об особенностях структуры некоторых частей тела. Исследования в этом направлении довольно активно ведутся за рубежом: ДНК-фенотипирование уже более десяти лет назад появилось под названием Forensic DNA Phenotyping (FDP), а сам термин впервые был использован в 2012 г. [13]. В разных странах выполнено немало работ, в ходе которых исследовались различные популяции на предмет применимости различных SNP для установления цвета волос, глаз, пигментации кожи, в том числе у метисов. Выполнялись подобные работы в России и Беларуси.

Если во многих ранних работах отмечалось, что получаемые на основе полиморфизма SNP сведения о цвете волос, пигментации кожи и цвете глаз недостаточно точны, то в относительно недавнем обзоре приведена инфор-

[1] SNP-локус (Single-Nucleotide Polymorphismlocus) – участок ДНК, последовательности аллелей которого различаются одним нуклеотидом.

мация по достоверности их определения, свидетельствующая о том, что определение пигментации кожи может быть достоверным в пределах от 72 до 99 %, цвета глаз – от 74 до 99 % и цвета волос – от 64 до 94 % [13].

На сегодняшний день с помощью ДНК-фенотипирования удается установить такие особенности внешнего облика человека, как обволошенность лица, толщина бровей, монобровь (наличие волос на переносице), густота бороды (у мужчин) и некоторые другие характеристики, дополняющие фенотипирующие признаки индивидов.

Отечественными учеными в настоящее время создан гидрогелевый биочип, включающий довольно большое число локусов с SNP человека, среди которых 41 SNP, входящий в панель HIrisPlex-S, что в том числе позволяет прогнозировать фенотип разыскиваемого индивида по признакам цвета глаз, волос, кожи и некоторым другим характеристикам.

Следует и дальше продолжать научные исследования по криминалистическому моделированию личности неустановленного преступника, в том числе путем ДНК-фенотипирования, которое находится в начале пути реализации своих возможностей. На основе анализа зарубежного опыта и научных работ отечественных ученых предстоит разработать и предложить конкретные инновационные методы и методики криминалистического моделирования личности. В частности, комплексно, путем проведения биоинформатического анализа геномов и экзомов людей должны быть разработаны новые методические подходы для улучшенной (более достоверной) реконструкции черт внешнего облика человека на основе полиморфизма ДНК с одновременным решением правовых и этических вопросов использования ДНК-фенотипирования в целях установления личности неустановленного преступника.

Список источников

1. Исютин-Федотков Д.В. Основы криминалистического изучения личности : монография / Д.В. Исютин-Федотков. – Москва : Проспект, 2024. – 288 с.

2. Аминев Ф.Г. Предварительное интегрированное исследование следов преступлений на месте происшествия / Ф.Г. Аминев // Адвокатская практика. – 2010. – № 6. – С. 41–42.

3. Абрамова Т.Ф. Пальцевая дерматоглифика и физические возможности : дис. … д-ра биол. наук : 03.00.14 / Т.Ф. Абрамова. – Москва, 2003. – 298 с.

4. Никитина Т.М. Оценка двигательной одаренности с учетом особенностей пальцевой дерматоглифики спортсменов, специализирующихся в видах спорта, направленных на развитие выносливости, скоростно-силовых и координационных способностей : дис. … канд. пед. наук : 13.00.04 / Т.М. Никитина. – Москва, 1998. – 141 с.

5. Самищенко С.С. Современная дактилоскопия (теория, практика и тенденции развития) : дис. д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С.С. Самищенко. – Москва, 2003. – 369 с.

6. Соколова О.А. Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / О.А. Соколова. – Москва, 2018. – 650 с.

7. Эджубов Л.Г. Статистическая дактилоскопия. Методические проблемы / Л.Г. Эджубов. – Москва : Городец, 1999. – 183 с.

8. Hall J. Dermatoglyphic asymmetry and sexual orientation in men / J. Hall, D. Kimura // Behav. Neuroscience. – 1994. – Vol. 108, № 6. – P. 1203–1206.

9. Алесковский С.Ю. Основы графологии / С.Ю. Алесковский, Я.В. Комиссарова. – Москва, 2006. – 213 с.

10. Самищенко С.С. Судебная медицина / С.С. Самищенко. – Москва, 1996. – 361 с.

11. Аминев Ф.Г. О необходимости принятия Федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации» в целях улучшения качества раскрытия и расследования преступлений / Ф.Г. Аминев // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 3 (57). – С. 94–98.

12. Walsh S. et al. DNA-based eye colour prediction across Europe with the IrisPlex system / S. Walsh et al. // Forensic Science International: Genetics. – 2012. – № 6 (3). – P. 330–40.

13. Schneider P.M. et al. The Use of Forensic DNA Phenotyping in Predicting Appearance and Biogeographic Ancestry / P.M. Schneider et al. // Dtsch Arztebl Int. – 2019. – № 116. – P. 873–880.

References

1. Isyutin-Fedotkov D.V. Fundamentals of Forensic Personality Study. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 288 p.

2. Aminev F.G. The Preliminary Integrated Research of Traces of Crimes on a Scene. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice,* 2010, no. 6, pp. 41–42. (In Russian).

3. Abramova T.F. Finger Dermatoglyphics and Physical Abilities. *Doct. Diss.* Moscow, 2003. 298 p.

4. Nikitina T.M. Assessment of Motor Giftedness Taking into Account the Peculiarities of Finger Dermatoglyphics of Athletes Specialising in Sports Aimed at the Development of Endurance, Speed, Strength and Coordination Abilities. *Cand. Diss.* Moscow, 1998. 141 p.

5. Samishchenko S.S. Modern Fingerprinting (Theory, Practice and Development Trends). *Doct. Diss.* Moscow, 2003. 369 p.

6. Sokolova O.A. Forensic Diagnostics of a Person Based on his Traces and Images. *Doct. Diss.* Moscow, 2018. 650 p.

7. Edzhubov L.G. Statistical Fingerprinting. Methodological Problems. Moscow, Gorodec Publ., 1999. 183 p.

8. Hall J. Dermatoglyphic Asymmetry and Sexual Orientation in Men / J. Hall, D. Kimura // Behav. Neuroscience. – 1994. – Vol. 108, № 6. – P. 1203–1206.

9. Aleskovsky S.Yu., Komissarova Ya.V. Fundamentals of Graphology. Moscow, 2006. 213 p.

10. Samishchenko S.S. Forensic Medicine. Moscow, 1996. 361 p.

11. Aminev F.G. On the Need for Adopting the Federal Law «On the Universal Genomic Registration in the Russian Federation» in order to Improve the Quality of Crime Solution and Investigation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice,* 2019, no. 3 (57), pp. 94–98. (In Russian).

12. Walsh S. et al. DNA-Based Eye Colour Prediction across Europe with the IrisPlex System. *Forensic Science International: Genetics,* 2012, no. 6 (3), pp. 330–40.

13. Schneider P.M. et al. The Use of Forensic DNA Phenotyping in Predicting Appearance and Biogeographic Ancestry. *Dtsch Arztebl Int.,* 2019, no. 116, pp. 873–880.

Информация об авторах

Аминев Фарит Гизарович *–*
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права;

Четерис Алексей Викторович *–*
доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института биохимии и генетики, профессор кафедры криминалистики Института права

Information about the Authors

Aminev Farit Gizarovich *–*
Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law;

Chemeris Alexey Viktorovich *–*
Doctor of Biology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Biochemistry and Genetics, Professor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 24.02.2024; одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 10.03.2024.
The article was submitted 24.02.2024; approved after reviewing 10.03.2024; accepted for publication 10.03.2024.